

БАРБАРА ХЭМБЛИ

И ТЕМЗА СТАНЕТ **АЛОЙ**

ПУТЕШЕСТВУЯ
С МЁРТВЫМИ

Джеймс Эшер

Барбара Хэмбли

Путешествуя с мёртвыми

«ЭКСМО»

1995

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хэмбли Б.

Путешествуя с мёртвыми / Б. Хэмбли — «Эксмо»,
1995 — (Джеймс Эшер)

ISBN 978-5-04-156790-3

Когда-то дон Симон Исидро, старейший вампир Лондона, попросил Джеймса Эшера помочь ему спасти собратьев-вампиров и спастись самому. Теперь Лидия Эшер просит Исидро об ответной услуге: пустившись по следам австрийского шпиона, её муж угодил в смертельную ловушку. Надеясь вызволить его, дон Симон и Лидия отправляются в путь, который пролегает через весь континент: от Лондона до Вены, а оттуда — до Константинополя, где живые и мёртвые начинают борьбу за власть. И теперь вампиру и смертным придётся иметь дело с заговором, где на карту поставлена судьба всей Британской империи... Второй роман знаменитого цикла Барбары Хэмбли «Джеймс Эшер», удостоившийся премии Лорда Рутвена, вручаемой за лучшие произведения о вампирах.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-156790-3

© Хэмбли Б., 1995
© Эксмо, 1995

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Барбара Хэмбли

Путешествуя с мёртвыми

Джерри – с любовью. За его поддержку, а главное, за то, что он во мне никогда не сомневался.

Благородные войны рождены для битв, а сражения возвышают тех, кто предается им без трусости и страха.

Жан Фруассар

Barbara Hambly
Travelling with the Dead

* * *

Published by permission of the author and her literary agents, Frances Collin Literary Agency (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © Barbara Hambly, 1995

© Лукин Е. Ю., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Пролог

Дом был стар и, несмотря на внушительные размеры, неприметен. «Любопытно», – подумала Лидия Эшер. Приостановившись на нижних ступеньках крыльца, она запрокинула голову, чтобы осмотреть все пять этажей угрюмого темного фасада. Добрая половина обесцвеченных непогодой балок едва заметна под столетним слоем саж, ясно видны не забранные ставнями старинные переплеты окон, середины каменных ступеней стерты шагами.

Лидию пробрал озноб, и она плотнее закуталась в плащ, позаимствованный ею у кухарки, поскольку даже самый простой наряд из гардероба самой Лидии выглядел бы чересчур роскошно для этих узких безымянных дворов и проулков, теснящихся вдоль берега. «Он не сможет причинить мне вреда», – подумала Лидия, берясь за горло. Под высоким шерстяным воротником шею холодили толстые звенья полудюжины серебряных цепочек.

Или сможет?

Около часа она искала этот двор, по странному стечению обстоятельств не отмеченный ни на одной из четырех современных карт Лондона. Лидия слышала, как на черной колокольне обветшалой церкви позади старого дома пробило три. Двор плавал в тумане цвета золы, съедавшем даже тот слабый свет, который мог сюда просочиться. Она прошла мимо крыльца три раза, пытаясь рассмотреть здание, и ощутила, что, будь воздух прозрачен, наблюдения бы это не облегчило. Возникло нелепое ощущение, что ночью (с фонарями или без фонарей, с лампами или без ламп) дома не разглядишь вообще. И еще был запах: ясный, пугающий, не похожий ни на какой другой.

Лидия стояла на крыльце очень долго.

«Он не сможет причинить мне вреда», – снова сказала она себе и задумалась: так ли это?

Сердце неистово колотилось. С чисто медицинским интересом Лидия отметила, что конечности ее холодеют, несмотря на кожаные перчатки с меховой подкладкой и две пары шелковых чулок. Ботинки, правда, были легкие, изящные, на высоких каблуках. Конечно, стоило подобрать обувь покрепче и попроще, но в грубых ботинках, как представлялось Лидии, ходят одни лишь прачки, с которыми она, впрочем, ни разу не общалась. Однако ожегший кровь адреналин указывал, что холод, скорее всего, был результатом шока.

Одно дело – размышлять относительно физиологии владельца этого дома, находясь в своей безопасной Оксфордской лаборатории или когда рядом Джеймс, а сама ты вооружена...

И совсем другое – прийти и постучать в парадную дверь дона Симона Исидро.

Она слышала приглушенные туманом цокот копыт и звяканье упряжи с Аппер-Темз-стрит, стонущие гудки моторов. Другой, более глубокий гудок донесся со стороны реки. Стук каблуков по грязным ступеням отдавался подобно ударам молотка, юбка с шелестом разметала пыль.

Несмотря на древность дома, дверной замок оказался относительно нов – тяжелое американское устройство, притаившееся за пластиной настоящего замка времен Елизаветы. Но и оно с готовностью уступило отмычке, найденной Лидией в дальнем конце ящика, где хранились носовые платки мужа. Руки немного дрожали, когда она орудовала отмычкой, используя приемы, которые ей однажды показал Джеймс. Сознывая, что, по сути, совершает преступление, взломщица ежесекундно ожидала в страхе появления за спиной представителя лондонской полиции и крика: «Ни с места! Именем закона!...»

«Какая глупость!» – думала она. Очевидно было, что ни один блюститель порядка не заглядывал в этот двор в течение многих лет. Лидия поправила очки с толстыми линзами (мало того что нарушительница закона, на который громкоподобно ссылался воображаемый полисмен, так еще и уродина четырехглазая!), отправила отмычки в сумочку и ступила через порог.

Стемнеть должно в пять. До сей поры она была в полной безопасности. Холл оказался куда сумрачнее, нежели она ожидала, широкие дубовые двери по обе стороны закрыты. Роскошные, не покрытые ковром ступени, снабженные резными перилами, поднимались в темноту. Проем, ведущий в глубины дома, напоминал отверстую могилу.

Лампы Лидия, естественно, не захватила. Мысленно выбравив себя за непредусмотрительность (отсутствие светильников можно было и предвидеть!), она открыла одну из боковых дверей, впусив в помещение пепельный полусвет. На столе обнаружился ключ, и Лидия, вернувшись, прикрыла входную дверь. Какое-то время она стояла, колеблясь, запереть ее за собой или нет. Избыток адреналина в крови мешал принять решение...

В конце концов она повернула ключ, но оставила его в скважине, сама же осторожно направилась к только что открытой ею двери. За дверью, вероятно, располагалась гостиная. Помещение оказалось огромным, как бальный зал в доме ее тетки в Мейфэр. От пола до потолка высились книжные полки. Желтые корешки авантюрных романов Конан Дойла и Клиффорда Ашдоуна соседствовали с житиями святых в истертых кожаных переплетах; уставшие тексты по химии; Карлейль, Гиббон, Сад, Бальзак; дешевые современные издания Эсхила и Платона; Голсуорси, Уайльд, Шоу. Единственным предметом мебели был обитый кожей массивный дубовый ящик перед камином. На ящике стояла дешевая американская лампа из стали и стекла, фитиль аккуратно подрезан, резервуар наполовину заполнен керосином. Достав из кармана спички, Лидия зажгла ее и в слабом свете прочла названия лежащих рядом книг, новеньких, наполовину освобожденных от оберточной бумаги. Французская книга по математике. Немецкая физика (автор – какой-то Эйнштейн). «Ветер в ивах».

Сколько у нее остается времени?

Не без труда Лидия извлекла спрятанное под одеждой странное устройство – медный распылительный насос с носиком, тщательно заклеенным пластырем, и лямкой, связанной из пары прошлогодних шарфов. Сняла колпачок, повесила распылитель на плечо и, прихватив светильник, двинулась в путь.

В следующем помещении книг было еще больше. Присутствовала и мебель: тяжелый стол, на котором валялись математические труды, абака, астролябии, глобус, немецкая вычислительная машинка и еще некий предмет, представлявший собой (если Лидия не ошиблась в своем предположении) старинное счетное устройство из слоновой кости. В дальнем конце комнаты зловеще поблескивала стеклом и металлом машина, напоминающая поставленное набок фортепьяно, снабженное множеством циферблатов, чье назначение Лидия не могла угадать. Рядом стояла конторка черного дерева – немецкой работы, очень старая, обильно изукрашенная резными богами и деревьями. Ящики снабжены потемневшими медными замками.

Перед камином, чьи синие и желтые плитки были закопчены до черноты, стояло фиолетовое бархатное кресло, тоже очень старое и потертое. Подлокотники покрыты кошачьей шерстью, на сиденье брошена американская газета. Краем глаза Лидия уловила движение и почувствовала удущье, но, слава богу, это было всего лишь ее собственное отражение в пожелтевшем зеркале, до половины прикрытом большой шалью. Судя по характеру кружев, изделие восемнадцатого века.

Лидия поставила светильник и сдернула шаль. Зеркало бесстрастно отразило ее тонкую, хрупкую фигурку. «Плоскогрудая, как школьница, – в отчаянии подумала она. – И это в двадцать шесть лет!» Несмотря на все ухищрения Лидии с рисовой пудрой, краской для век и румянами – в тех крохотных количествах, что позволялись приличной леди, – лицо ее состояло в основном из носа и очков. Четырехглазой ее прозвали в детстве, когда она еще не успела заслужить права именоваться скелетом и книжным червем. Даже сегодня, покидая меблированный номер «Блумсберри», Лидия ни за что бы не надела очки, если бы от этого сейчас не зависела ее жизнь.

Ее – и Джеймса...

Она позволила кружеву упасть на пол, снова потрогала серебряные цепочки на шее и двойные толстые браслеты, обвивавшие запястья под манжетами и перчатками.

Зачем ему зеркало? Он же не может себя в нем увидеть! Или истории врут?

Лидия снова подняла лампу, надеясь, что информация, которой она владела, хотя бы частично соответствует истине. Стыд и позор – не собрать за эти годы более точных научных данных! Она должна написать заметку для «Журнала медицинской патологии» или хотя бы для одного из фольклорных исследований Джеймса.

«Если останусь в живых, – подумала она, и паника вновь ожгла изнутри ее вены. – Если останусь в живых...»

Неужели она все-таки ошиблась?

Лидия обошла дом, поднявшись до чердака. Все кругом было завалено книгами и журналами. Зная на собственном опыте, каково хранить бесчисленное количество номеров «Ланцета», а также его британских, европейских и американских аналогов, Лидия не могла не позавидовать столь обширной библиотеке, и это в какой-то степени ослабило ее страх. «Ланцет» был представлен здесь номерами, восходящими к 1823 году, и, если порыться, можно было бы наверняка обнаружить первый его выпуск. Лишь одна маленькая комнатка наверху была занята не книгами, но одеждой, дорогой и относительно новой.

С самого начала все инстинкты Лидии подсказывали ей, что искать нужно не вверху, а внизу.

Кухня и судомойня располагались на первом этаже, в задней части дома. Лидия спустилась по изогнутой лестнице в судомойню, где обнаружился вполне современный холодильник. Открыв его, она нашла кусок льда приблизительно двухдневной давности, бутылку сливок и небольшое количество мяса. В уголке прямо на полу стояли штук пять тарелок, в их числе – блюдо северского фарфора времен Людовика XV. Лидия улыбнулась – впервые.

Подвал, винный погреб, кладовая для овощей под лестницей и множество маленьких чуланов с низкими потолками, где пахло землей и временем. Пламя лампы отбрасывало трепещущую тень Лидии на потрескавшиеся от нагрузки балки, на обесцвеченные обои, на каменную кладку, говорящую о крайне древнем возрасте строения. Ей долго пришлось искать этот дом, упоминания о котором исчезли из Государственного архива после пожара 1666 года. Лидия некоторое время бродила по подzemелью, зная, что где-то здесь должен быть вход в еще один подвал. Внимательно изучив структуру кладки, она сосредоточила внимание на небольшом складском помещении, чья влажная каменная стена хранила следы разобранной лестницы.

День снаружи, должно быть, уже угасал. Стараясь унять дрожь в пальцах (неважно, что было причиной: холод или страх), Лидия сняла перчатки и принялась ощупывать тяжелую лепнину порталов. Возле порога той двери, что вела в винный погреб, что-то подалось, щелкнуло неохотно – и в грязноватом медном свете лампы открылся широкий проход между двумя панелями. На внутренней части подвижной плиты имелась щеколда, то есть открыть замок можно было и с той стороны. Изношенная лестница снова уходила вниз.

Как и предполагала Лидия, помещение, лежавшее ниже, напоминало усыпальницу церкви – возможно, той, что располагалась позади дома, на площади с довольно странным названием – Испанский Двор. На низких сводах потолка еле читались выведенные черной краской слова: *Salvum me fac, Deus, quoniam intraverunt aquae usque ad animam meam*.

Лидия не была воспитана в католической вере (тетки ее даже свечу на алтаре рассматривали как повод для жалобы епископу) и все же узнала в этих словах отрывок мессы избавления от смерти.

Гранитный саркофаг занимал весь дальний конец помещения, подобно мрачному алтарю, скрывающему все, кроме низкой запертой двери. Лидия довольно долго стояла перед ним,

прежде чем решилась приподнять светильник повыше и прикинуть вес каменной крышки. Затем опустилась на колени и принялась изучать пол.

Пыли на полу не было.

Тщательный осмотр трещин в сером каменном настиле выдал ей местоположение люка. В тусклом янтарном полусвете лампы приходилось сильно напрягать глаза. Сначала Лидия пыталась вести поиск со всей возможной аккуратностью, не пачкая и не сминая юбки, но это оказалось невозможным. Кости корсета то и дело упирались в ребра, а распылитель насоса преобильно ударял по локтю. Чуть не заработав за эти полчаса еще и косоглазие, она сообразила наконец, что запорный механизм люка располагается позади далеко выдающегося каменного портала внутренней двери.

Насколько она поняла, саркофаг вообще не имел никакого отношения к люку. В противном случае все было бы слишком очевидно.

Ступени, ведущие вниз, были настолько мелки и до такой степени стертые, что Лидии пришлось прижаться плечом к одной стене и, придерживаясь рукой за другую, нащупывать опору для следующего шага. Подумалось вдруг, что снаружи давно уже темно, – и снова нахлынул страх, возникло паническое убеждение, что она просто не способна выполнить задуманное. Пришлось запретить себе смотреть на часы.

Свет лампы не рассеивал лежащего внизу мрака, дышащего влажной землей, холодным камнем и ржавчиной. Интересно, что крысами не пахло вообще.

Свет влажно скользнул по металлическим прутьям решетки. Приблизившись, Лидия просунула руку с лампой сквозь прутья и попыталась осветить то, что располагалось по ту сторону. Решетка была старая, а замок на ней – новый и дорогой. Такой не одолеешь ни отмычкой, ни ломом. Сияние лампы лишь отчасти проникало в лежащие за решеткой катакомбы, и все же Лидии удалось рассмотреть стенные ниши, большей частью пустые или же хранящие ужасные свидетельства бренности земного бытия: черепа, пыль, клочки волос.

На той стене, что справа, в тени таилось еще одно углубление, но осветить его не было никакой возможности.

Из ниши свешивалась белая, как слоновая кость, мужская рука с длинными, униженными золотом пальцами. Темнота скрывала остальное, и, хотя изящная кисть выглядела столь совершенно, словно была нарисована Рубенсом, Лидия знала, что владелец ее мертв вот уже несколько веков.

«Значит, правда», – подумала она, и сердце от испуга забилось сильнее и торопливее.

«Глупо», – тут же добавила она мысленно, поскольку знала обо всем изначально.

Но одно дело – знать, и другое – столкнуться с ними после наступления темноты. Лидия почувствовала себя нагой и незащищенной.

«Зря я все это затеяла».

Пар от ее дыхания принял в свете лампы абрикосовый оттенок. Лидия обессиленно опустилась на ступеньки. Положила свое оружие на колени, поправила указательным пальцем очки и приготовилась ждать.

Глава 1

Канун поминовения душ усопших, темный дождь и холод, пронизывающий иглами тело и одежду, отдающийся ломотой в костях. Воскресная ночь на вокзале Черинг-Кросс, гул голосов отражается от сводов из стекла и железа, словно мяч в стальном барабане. Все, что хотел Джеймс Эшер, – это добраться до дому.

День и ночь, потраченные на похороны кузена и на улаживание ссоры из-за наследства между вдовой, матерью и двумя сыновьями покойного, живо ему напомнили, почему двадцать три года назад, сразу же, как только закончилось его обучение в Оксфорде, он перестал поддерживать отношения с теткой, воспитывавшей его с тринадцати лет. Было уже совсем темно, и Эшер, кутаясь в пальто, шагал по длинной кирпичной платформе, цепляя плечами таких же, как он, пассажиров. В обширном помещении стоял запах влажной шерсти и пара. Улицы снаружи были наверняка покрыты гладким опасным льдом.

Эшер размышлял и об этом, и о полутора часах, которые ему предстояло убить между прибытием экспресса из Танбридж-Уэллс на вокзал Черинг-Кросс и отправлением оксфордского местного от Паддингтона, когда увидел вдруг двух мужчин. Лучше бы он их не видел вообще.

Они стояли под центральными часами в отзывающейся эхом пещере вокзала. Эшеру как раз случилось взглянуть в их сторону, когда тот, что повыше, снял шляпу и, стряхнув с нее влагу, указал рукой в перчатке на железную раму, в которой вывешивались таблички с обозначенным на них временем отправления. Приученный за долгие годы работы в британской разведке улавливать и запоминать мельчайшие подробности, Эшер невольно задержал взгляд на широкополом пальто этого человека: рукава и воротник, отделанные каракулем, верблюжий цвет, тесьма на рукавах – все буквально кричало: Вена. Еще точнее: представитель мадьярской аристократии, а не австрийский немец, поскольку эти предпочитают одеваться менее ярко. Парижанин мог бы надеть пальто подобного покроя, но, конечно, не такого цвета и, уж разумеется, без тесьмы. А верхняя одежда среднего берлинца всегда напоминает попону независимо от того, насколько состоятелен ее владелец.

«Вена...» – подумал Эшер и испытал легкий приступ ностальгии. Затем он увидел лицо мужчины.

«Боже правый!»

Замер на краю платформы, кровь, казалось, остановилась в его жилах. Но прежде чем Эшер успел осознать, что Игнац Кароли – в Англии, он увидел лицо его собеседника...

«Боже правый! Нет».

Вот и все, что удалось подумать.

«Только не это!»

Впоследствии он поймет, что просто не сумел бы заметить второго, не задержись его глаз сначала на пальто Кароли, а затем – на лице венгра. Это и было самым пугающим из увиденного. В течение нескольких секунд двое перекинулись парой слов и обменялись газетами – старая уловка, которую сам Джеймс сплошь и рядом использовал, работая на «Интеллидженс Сервис». Память стремительно отмечала мельчайшие, знакомые Эшеру приметы: разрез потертого черного пальто невысокого мужчины и зауженные, со штрипками, брюки цвета буйволовой кожи. Выглядывающие из-под плоской бобровой шапки волосы были коротко подстрижены, и еще – во время короткого разговора собеседник венгра не сделал ни единого жеста: полная неподвижность, даже руки в перчатках, сжимающие набалдашник трости, не шевельнулись ни разу.

Одна только эта подробность могла выдать Джеймсу все.

Три женщины в огромных шляпах с поникшими от влаги перьями заслонили на секунду зловещую парочку, а когда прошли, Кароли уже бодро шагала в направлении парижского поезда.

Второй мужчина исчез бесследно.

Кароли едет в Париж.

Они оба едут в Париж.

Эшер и сам не знал, почему он так в этом уверен. Но инстинкты, отточенные за годы сотрудничества с Департаментом, не исчезли за восемь мирных лет чтения лекций в Оксфорде. С сердцебиением столь сильным, что даже вызывало дурноту, он нарочито неспешно приблизился к билетным кассам, покачивая небольшой сумкой для уик-эндов, содержащей смену чистого белья и бритвенные принадлежности. Станционные часы показывали половину шестого. Вывешенная табличка известила о том, что дуврский поезд отправляется без четверти шесть. Проезд до Парижа в вагоне второго класса стоил один фунт четырнадцать шиллингов и восемь пенсов, и, хотя в кармане у Эшера имелось не более пяти фунтов, указанную сумму он выложил без колебаний. Разумеется, отправившись третьим классом, он сэкономил бы двенадцать шиллингов (а это несколько ночей в Париже, если, конечно, знаешь, где остановиться), но его представительное коричневое пальто и шляпа с жесткой тульей сразу бы бросились в глаза, окажись он среди бедно одетых рабочих и неряшливых женщин.

Он сказал себе, что покупает билет второго класса исключительно затем, чтобы не привлекать внимания. Лгал сам себе.

Гуляя по платформе, где женщины в дешевых поплиновых юбках загружали в вагоны утомленных детей, бранились друг с другом на парижском диалекте, а мужчины в куртках и шарфах ежились от холода, Джеймс старался не слушать, как сердце нашептывает ему, что нынешней ночью кто-то из пассажиров третьего класса неминуемо должен умереть. Он коснулся руки проходящего мимо носильщика:

– Будьте любезны, не могли бы вы проверить багажный вагон и сказать мне, не везет ли кто ящик или чемодан футов в пять длиной? Это может быть и гроб, но, скорее всего, чемодан.

Тот покосился на показанную ему монетку достоинством в полкроны, скользнул острыми карими глазами по лицу Эшера:

– Вам, что ли, прямо сейчас, сэр?

Эшер машинально отметил в его произношении горловое *ou* и щелевое отрывистое *i* (несомненно, ирландец из Ливерпуля) и удивился своей способности задаваться чисто филологическими вопросами, в то время как его собственной жизни грозила опасность.

Носильщик коснулся кепки:

– Старый Джо чуть не помер, пока втолкнул в вагон эту штуковину. Уж больно неуклюжая...

– Тяжелая?

(Если тяжелая – значит, не то.)

– Да так себе, не очень. Фунтов семьдесят...

– А не могли бы вы посмотреть, куда отправляется груз? Это информация, – поспешил добавить Джеймс, видя, что карие глаза подозрительно прищурились, – для жены его владельца...

– Сбежал, что ли? Вот сукин сын...

Эшер сверил свои часы с вокзальными, сознавая, что чем реже становится толпа уезжающих, тем больше у него шансов быть замеченным. Локомотив с шумом выдохнул клуб пара. Толстый мужчина в твидовом, по-деревенски просторном пальто, колышущемся за его спиной наподобие плаща, лез в вагон первого класса. За ним – тощий лакей с тяжеленными чемоданами.

«Надо будет телеграфировать Лидии из Парижа», – подумал Эшер и почувствовал острую жалость: она будет сидеть, ожидая его, весь вечер, пока не уснет у камина среди чай-

ных принадлежностей, кружев и медицинских журналов – прекрасная, как сильфида с ученой степенью. Две ночи он ждал встречи с ней. Поскольку погода была ненастная, она, вероятно, предположит, что поезд задержали. Лидия зря беспокоиться не станет.

Носильщик, однако, не появлялся. Эшер попытался вспомнить, кто сейчас возглавляет парижское отделение.

Боже мой! Как он собирается сообщить им о Чарльзе Фаррене, бывшем графе Эрнчестерском?

Его рука почти против воли сдвинулась к воротнику, как бы желая проверить, на месте ли толстая серебряная цепь. Что и говорить, необычное украшение для мужчины и протестанта. Эшер не расставался с цепочкой вот уже около года. Это стало привычкой, подобной тем привычкам, что он приобрел «за кордоном» (как выражались в Департаменте). Например, досконально изучить дом, где ты остановился, чтобы при случае пройти по нему бесшумно в полной темноте; запоминать лица и узнавать их потом в иной обстановке. Или, скажем, постоянно носить с собой нож, спрятанный в правом ботинке. Другие преподаватели Нового колледжа, занятые исключительно своими предметами и академическими перепалками, даже и представить не могли, что их скромный коллега, читающий лекции по этимологии, филологии, фольклору, знал в лицо каждого их слугу, а также все входы и выходы в этом зеленом, замшелом, туманном городке.

Но все это были вопросы, от которых одно время зависела его жизнь. Вполне возможно, что зависела и сейчас.

Летом, когда Эшер и его студенты ходили на плоскодонках вверх по Черуэллу, молодежь обратила внимание на тяжелые двойные цепочки из серебра, охватывающие запястья преподавателя. Джеймс объяснил, что это подарок его суеверной тетки. Никто даже не усомнился и, кажется, не усмотрел связи между цепочками и рваным красным шрамом, пересекавшим горло Эшера от уха до ключицы. Равно как и похожими шрамами на руках.

Вернулся носильщик и как бы невзначай сунул Эшеру клочок бумаги. Пришлось дать ему еще полкроны, которые очень быгодились сейчас самому Джеймсу. Ну что делать, не нарушать же правила приличия! Не взглянув на бумажку, Эшер спрятал ее в карман и устремился к перрону, над которым уже разносился последний предупреждающий крик: «Все в вагоны!»

При этом он не искал взглядом невысокого мужчину в черном пальто, хотя знал, что Эрнчестер если и сядет в вагон, то, подобно самому Эшеру, в последний момент.

Его все равно невозможно будет увидеть.

Восемь лет назад, на исходе англо-бурской войны, Джеймса Эшера приютило семейство буров, жившее в предместье Претории. Подобно многим бурам, они снабжали информацией немцев, но сами по себе люди были хорошие и вполне искренне верили, что помогают этим своей стране. Они радушно приняли Джеймса, видя в нем безобидного профессора лингвистики из Гейленберга, прибывшего в Африку для изучения языков банту. «Мы не дикари, – сказала госпожа ван дер Плац. – Мы же знаем, что шпион не станет заниматься такими вещами!»

Тем не менее Эшер был именно шпионом.

И когда Жан ван дер Плац – шестнадцатилетний паренек, влюбленный в Джеймса, ходивший за ним тенью, – узнал, что его старший друг вовсе не немец, а англичанин, и предстал перед ним в слезах, Эшер застрелил его, чтобы спасти городскую агентуру и своего информатора кафра, которого бы неминуемо убили в отместку. А развяжись у кафра язык, были бы захвачены врасплох и вырезаны несколько подразделений британской армии. Вернувшись в Лондон, Эшер порвал с Департаментом и женился, к полному ужасу семейства восемнадцатилетней девочки, на чью любовь он к тому времени даже и не надеялся.

Эшер тогда искренне полагал, что со службой во имя короля и Отечества покончено навсегда.

И вот он направляется в Париж, под обстреливающим вагон дождем, с несколькими фунтами в кармане – и все только потому, что увидел Игнаца Кароли беседующим с Чарльзом Фарреном.

Случилось то, чего Эшер боялся весь этот год – с тех пор, как он узнал, кто такой и что такое этот Фаррен и все ему подобные.

Идя по коридору из вагона в вагон, Эшер заметил в купе первого класса Кароли, читающего в одиночестве газету.

Подобно Дориану Грейю, Кароли не утратил своей красоты за прошедшие тринадцать лет. А ведь ему уже должно быть сорок. И однако же – ни следа серебра в его гладких черных волосах или в ниточке усов, словно бы нарисованных тушью на короткой верхней губе, ни морщинки не залегло в уголках широко посаженных темных глаз.

«Вся моя кровь вскипает от восторга при мысли, что я выполню любой приказ императора, каким бы он ни был! – с этими словами (вспомнил Эшер) он вскочил тогда на ноги в мягком сиянии газовых рожков „Кафе Версаль“, и шитье вспыхнуло на его алом мундире. Вспомнилось сияние идеалистического идиотизма на юношеском лице. – Я буду драться везде, куда бы Он меня ни послал!» Отчетливо слышалась заглавная буква в слове «Он» – император, а вокруг ревели и аплодировали друзья-гвардейцы. Хотя они взревели еще громче, когда кто-то из них пошутил: «Да, конечно, Игни... но кому придет в голову послать вас на врага?»

Но когда Кароли уже преследовал Эшера с собаками в Альпах, замучив перед этим до смерти его осведомителя и проводника из местных жителей, стало окончательно ясно, что в прошлый раз он умышленно корчил безмозглого дворянчика, проводящего жизнь на балах, а не в строю. Надолго запомнилась Эшеру эта погоня.

Они так и не встретились лицом к лицу в те адские дни среди потоков и ущелий, Джеймс даже не знал, известно ли было Кароли, кто его дичь. Но, проходя вагонным коридором и бросив беглый взгляд в окно купе, Эшер вспомнил тело своего проводника и вновь порадовался, что тогдашняя их встреча не состоялась.

Во всяком случае, больше всего он сейчас боялся не Игнаца Кароли.

В третьем классе было куда более шумно, чем во втором. Теснота, запах грязной шерсти и нестираного белья. Младенец вопил как фабричный гудок. Небритые мужчины поднимали лица от «Фигаро» или «Лондон ньюс», когда Эшер протискивался между жесткими, с высокой спинкой, сиденьями. Желтый подрагивающий электрический свет падал на дешевые фетровые шляпы, влажные бумажные цветы, простые стальные булавки. Женщина сказала: «Замолчи, Беатрис, замолчи сейчас же!» Однако в голосе ее надежды не прозвучало. Видимо, Беатрис не уgomонится до самого вокзала Гар-дю-Нор.

Эшер поднял воротник, понимая, что Фаррен может его узнать. Он нервничал при одной только мысли, что Фаррен находится где-то здесь и что ему достаточно одного беглого взгляда в сторону Джеймса. Думать о том, что произойдет в таком случае, было тем более неприятно.

В самом конце третьего класса находилось багажное отделение, загроможденное велосипедами, собачьими клетками и огромным креслом. Там было темно, за окнами алмазно посверкивал дождь, подсвеченный грязноватыми бликами из вагонов третьего класса. Стоило Эшеру ступить внутрь и прикрыть за собой дверь, как его ожгло холодом: все окна были открыты и громко дребезжали, пол забрызган водой.

У ног Джеймса скулила от страха собака в клетке.

Но даже запах холодной дождливой ночи не мог ни перебить, ни рассеять запаха смерти.

Эшер торопливо огляделся, затем опустился на колени, словно опасаясь, что его увидят снаружи через окно. Тусклый свет проникал через глазок на двери, но его было недостаточно. Эшер выудил коробок из кармана пальто, чиркнул спичкой.

Труп мужчины был согнут и казался маленьким: колени вмяты в грудь, руки прижаты к бокам – иначе бы его и не удалось затолкнуть в тесный угол за футляр контрабаса.

Эшер погасил спичку, зажег вторую и подобрался поближе. Мертвец был молод, смугл, небрит, руки – в рабочих мозолях, на шее вместо галстука грубо повязан платок. Одежда пахнет дешевым джином и еще более дешевым табаком. На подошве ботинка – дыра. Крови на шейном платке совсем немного, хотя, когда Эшер оттянул его пальцем вниз, открылась разорванная аорта. Края раны казались белыми и вспухшими, как будто их жевали и обсасывали. У Эшера и у самого имелся шрам такой же формы и размера – как раз там, где шею холодили серебряные звенья цепочки.

Третья спичка осветила лицо мертвеца, совершенно белое, с синими губами и явственно различимой щетиной. Хотя, судя по цвету век, он погиб от силы полчаса назад. Подвернув потертую штанину, Эшер заметил, что голая лодыжка еще даже не начала синеть.

«Скорее всего, – сердито подумал Эшер, – синеть там уже нечему...»

Он погасил спичку, отправил ее – вместе с первыми двумя – в карман и скользнул между креслом и контрабасом к выходу. В одном из вагонов он столкнулся с проводником. Возможно, кто-то из должностных лиц спугнул убийцу, помешав ему избавиться от трупа. А может быть, Эрнчестер просто ожидал, когда они отъедут подальше от Лондона. Эшер быстро покинул вагон, вытирая ладони о полы пальто и недовольно бормоча, словно искал кого-то и не нашел. Никто из пассажиров третьего класса не проводил его взглядом.

К тому времени, когда поезд достигнет Дувра, тело наверняка исчезнет. Привлечь чье-либо внимание к своей находке означало привлечь внимание к себе, а в этом случае вряд ли он доберется до Парижа живым.

В темном купе второго класса, кроме Эшера, ехало жизнерадостное и шумное семейство парижан, которые вели себя в поезде как дома – закусывали хлебом и сыром. *Bonne femme*¹ предложила попутчику сыра с апельсиновым соком, в то время как глава семьи трудолюбиво изучал помятый номер «Авроры». Эшер поблагодарил, выудил свою «Таймс», большую часть которой прочел еще по дороге в Черинг-Кросс, и вновь спросил себя: что же он все-таки намерен сообщить тому, кто сейчас возглавляет резиденцию в Париже?

Ночь предстояла долгая. Он не осмеливался лечь спать, боясь, что Фаррен может почуять его сны.

2/11/1908-0600 ПАРИЖ/ГАР ДЮ НОР
ЭРНЧЕСТЕР ОТБЫЛ В ПАРИЖ С ИГНАЦЕМ КАРОЛИ
АВСТРИЙЦЕМ ТЧК ПРЕПОРУЧУ ЗПТ ВЕРНУСЬ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ
ДЖЕЙМС

Эрнчестер. Лидия Эшер положила тонкий листок желтой бумаги на инкрустированный, с позолотой, письменный стол. Сердце забилося чаще, стоило ей прочесть это имя. Отбыл в Париж с кем-то из Австрии...

Чтобы осознать все это, требовалось время, поскольку Лидия, досконально знающая, чем отличается одна железа от другой, никак не могла вспомнить, чьи союзники австрийцы: немецкие или английские. А вспомнив, содрогнулась.

– Это от хозяина, мэм?

Лидия подняла глаза. Элен, принесшая чай, а заодно и телеграмму, задержалась в дверях кабинета; большие красные руки теребили передник. Темный, как чернила, дождь, хлеставший всю ночь, унялся лишь под утро, ровная изморось сыпалась с небес цвета стали. За высокими окнами сияла влажная мостовая Холиуэлл-стрит. А поскольку Лидия была близорука, то картина была несколько размытой, в стиле Моне. Высокая коричневая стена Нового колле-

¹ Добрая женщина (фр.).

джа напротив стала от сырости почти черной. Время от времени по улице проходил студент или преподаватель – безликие призраки, тем не менее безошибочно опознаваемые Лидией, точно так же, как она опознавала Элен: по общим очертаниям и манере двигаться. Как, например, можно было спутать малорослого декана Брейсноуза с его важной петушиной поступью и такого же крошечного, но скромного доктора Вирдона из колледжа Церкви Христовой? Глубоко вздохнув, Лидия обратила огромные карие глаза в направлении темного пятна двери, ведущей в зал, и впервые за это утро поняла, что давно уже голодна.

– Да, – сказала она. – Ему пришлось срочно ехать в Париж.

– Ох!.. – Элен неодобрительно покачала головой. – В такой-то дождь! Подумаешь, Париж! Какие там могут быть дела, чтобы не явиться вовремя и заставить вас волноваться?

Пожалуй, Лидия не смогла бы как следует ответить на этот вопрос. «Возможно, сговор, который обернется победой Германии над Англией и еще бог знает чем», – подумала она, но промолчала.

– Я же говорила, что не стоит волноваться насчет мистера Джеймса! – радостно продолжала Элен. – Вон какой ливень был! Хотя о Париже я даже и не думала... Что-нибудь с инвестициями, мэм? – Элен работала в течение долгого времени у отца Лидии и привыкла к мысли, что если хозяин куда-то внезапно отбыл, то это непременно связано с инвестициями. – Даже и не знала, – добавила она с неожиданным проблеском разума, – что он куда-то вкладывал деньги...

– Так, по мелочи, – правдиво ответила Лидия, сворачивая телеграмму и отпирая одно из отделений украшенного позолотой секретера.

Содержимое немедленно вывалилось наружу и образовало на полу пухлую гору бумаг. Лидия посмотрела на нее с такой растерянностью, как будто стол ее не был точно так же завален диаграммами, заметками об эндокринной системе, письмами других исследователей относительно удаления гланд, счетами модисток, меню, образцами шелка, номерами «Ланцета». Там же лежал набросок статьи для январского выпуска «Британского медицинского журнала», над которым она работала до прихода Элен. Лидия подтянула кружевные манжеты и, решительно запихнув все обратно, с натугой захлопнула дверцу. Открыв еще пару отделений с тем же успехом, она в конце концов подсунула телеграмму под кипу заметок о воздействии электростимуляции на выработку адреналина.

Ее подруга Джосетта Бейерли всегда посмеивалась над тем, что Лидия не читает газет и даже не знает, кто сейчас премьер-министр. Как будто премьер-министры, подобно балканским королям, не зависели от горстки избирателей! Чтение газет лишь наводило Лидию на размышления о том, не страдают ли такие деятели, как лорд Бельфор или кайзер, воспалением щитовидки или авитаминозом, что каждый раз отвлекало ее от работы.

«Он пишет, что возвратится сегодня». Лидия понимала, что ей следует успокоиться. Конечно, Джейми способен сам позаботиться о себе. Она думала об этом прошлой ночью, лежа с открытыми глазами и оглаживая пальцами тяжелые звенья серебряной цепи на шее. А когда заснула, ей привиделось трупно-белое лицо, возникшее при свете газовых рожков в глубине парковой аллеи: странно горящие глаза и урчащая пасть с мерцающими клыками. Затем Лидия проснулась и не смогла уснуть до утра. Лежала и слушала шорох дождя в плюще.

Итак, причин для страха у нее не было.

В телеграмме сказано: «Препоручу».

Тем более бояться нечего.

Но в телеграмме содержалось также нечто такое, что засело занозой в подсознании.

«Досадно будет, – машинально продолжала она размышлять, – если он не выкроит в Париже время купить себе рубашку и коробку конфет. У него всего одна смена белья. Эти, знаете, похороны кузенов...»

«Препоручу».

Почему ей кажется, что она уже слышала это имя – Игнац Кароли?

И почему, ради всего святого, он отправился объяснять, кто такой граф Эрнчестер, сотрудникам Министерства иностранных дел в Париже?

– Не могли бы вы принести мне тост, который я не доела за завтраком? – спросила Лидия секунду спустя.

– Сию минуту, мэм! – в голосе служанки послышалась радость, а плечи ее, когда она повернулась в дверях, облегченно расслабились.

И Элен, и миссис Граймс обе считали Лидию слишком худой. Она же, еще будучи школьницей, неуклюжей, очкастой зубрилкой, оставляла без внимания их предостережения, что если девочка вечно сидит, уткнувшись носом в книгу, и ест меньше канарейки, то вряд ли сумеет когда-нибудь подцепить себе муженька. Однако Лидия прекрасно сознавала, что у кого, у кого, а уж у нее-то, единственной наследницы состояния Уиллоуби, отбоя от женихов не будет. При мысли об этом у нее уже тогда волосы вставали дыбом.

Джейми сказал, что она красива. Единственный мужчина, которому Лидия могла верить.

Может быть, это Джейми когда-то давным-давно помянул в разговоре Игнаца Кароли?

Нет, не похоже... И Лидия вспомнила высокого скромного преподавателя, который на устраиваемых ее отцом вечеринках гулял с ней по саду, рассказывая о королях и капусте: каким способом лечат болезни в Китае и как продолжить обучение без согласия родителей. Вежливый знающий человек, никогда ничего от нее не требовавший, принимавший ее такой, какая она есть. Он никогда не говорил лишнего, хотя, еще будучи школьницей, она заподозрила, что Джеймс не так прост, как кажется. Даже теперь, после семи лет брака, рассказывая какую-либо подлинную историю, он, по примеру Марка Твена, всем описываемым лицам давал фамилию Фергюссон.

Именно это Лидию и беспокоило. Она слышала фамилию Кароли. Или читала. Скорее читала. Она не помнила, как эта фамилия произносится, и, стало быть, Джейми ее не упоминал.

Лидия извлекла свои очки из-под груды бумаг, где она их прятала, когда кто-нибудь входил в комнату, встала, шурша кружевами, и, откинув назад длинные рыжие волосы, двинулась к книжным полкам. С намерением поработать после полудня в прозекторской Рэдклиффской больницы она решила повременить. К тому времени, когда вновь появилась Элен – с подносом бутербродов и луковым супом, – Лидия уже вспомнила, где и при каких обстоятельствах она набрела на фамилию Кароли. Воспоминание скорее встревожило ее, нежели успокоило. Она оставила поднос нетронутым и спустилась в спальню порыться в старых номерах «Ланцета» и «Медицинских изысканий», сваленных под кроватью. Она могла не помнить, есть ли сейчас в Германии парламент и чем большевики отличаются от меньшевиков, зато без особого напряжения месяцами хранила в памяти адрес парижской лаборатории Марии Кюри или год открытия внутренней секреции. Лидия продолжала читать до ужина, когда Элен явилась с еще одним подносом и вынудила съесть половину яйца и часть булочки, сама же развела огонь в камине и зажгла газовый рожок. Лидия нашла смутно знакомую ссылку, но та вывела ее на другое имя. Пора уже было начинать считать часы до полуночи, когда, по идее, должен появиться Джеймс.

Если он не решит задержаться в Париже еще на один день.

Если ничего не стряется.

Если его не заметит Эрнчестер...

«Если он решит задержаться в Париже, – думала она, намазывая джем и девонширское масло на булочку, а затем кладя бутерброд на поднос, чтобы взглянуть в темнеющее окно, – он даст телеграмму. Он сообщит мне...»

А если не сообщит?

Сможет ли она найти его, отправив телеграмму в консульство... или, может быть, лучше в военное министерство, которому подчинены секретные службы? Где оно там находится, это консульство? Подобно многим девушкам из состоятельных семей, Лидия знала в Париже лишь

Елисейские Поля и Рю-де-ля-Пэ. Позвонить по телефону в Министерство иностранных дел в Лондоне... Опять же, где оно располагается? Уайтхолл? Парламент? Скотленд-Ярд? Ну, эти если что-нибудь и скажут, то наверняка солгут...

Лидия остро осознавала свою беспомощность, она была испугана, она не знала, что делать.

«Кроме того, – подумала она, глядя в непроглядную тьму за шторами, – все чиновники давно уже разошлись по домам». И, словно подтверждая эту ее мысль, старинные часы времен Людовика XV, стоящие на камине в гостиной, отчетливо пробили пять раз.

Оставалось сидеть и ждать.

Она заснула после полуночи, улегшись поперек кровати, среди вороха медицинских журналов, разбросанных до порога спальни, так и не сняв своего пышного платья цвета чайной розы. Ей снились разрушенные здания древних городов; каменная кладка была покрыта черной запекшейся кровью и паутиной; из бездонных теней полз шепот столетий.

Джеймс не вернулся и под утро. И все же только после того, как пришла вторая телеграмма, Лидия решила отправиться в Лондон и попытаться найти этот дом.

Глава 2

– Граф Эрнчестер – вампир.

Стритхэм – суетливый мужчина со скошенным подбородком, которого Эшер никогда не любил, – уставил на гостя прищуренные голубые глаза, как будто спрашивая себя, с какой целью Эшер морочит ему голову и не повредит ли это его положению главы парижского отделения Департамента. Большую часть предыдущей ночи Эшер провел, бодрствуя на борту дуврского парома, затем – в булонском поезде. Он все подыскивал довод, который бы убедил представителя Департамента арестовать Кароли в Париже (что, скорее всего, невозможно, так как вряд ли тот поедет куда-нибудь без дипломатической поддержки) или хотя бы отрядить агента, чтобы тот следовал за ним по пятам.

Когда он, невыспавшийся, голодный и раздраженный, в начале десятого постучал в зеленую крашеную дверь дома на рю де ля Виль л'Эвек, выяснилось, что открыть ее некому. Еще двадцать минут Эшер просидел на скамье под голыми деревьями, выжидая, когда дом подаст признаки жизни. Над городом собирались тучи, вот-вот должен был припустить дождь. «К черту! – злобно подумал Эшер. – Скажу им всю правду».

Стритхэм рискнул усмехнуться:

– Это несерьезно.

– Сам Эрнчестер (иногда он называет себя Фаррен, другое его имя – Уонтхоуп) относится к этому вполне серьезно, – мрачно сказал Эшер, вспоминая мертвого рабочего. – Правду он говорит или нет, будто прожил, питаясь человеческой кровью, два столетия, но я по собственному опыту знаю, что этот человек обладает способностями, за которые хорошо бы заплатили иностранные разведки. Он может пробраться сквозь любую охрану, войти и выйти незамеченным. Он может влиять на мышление людей. Понятия не имею, как это ему удастся, но знаю, каков он в деле.

Эшер буквально видел, что за мысли копошатся на доньшке прищуренных голубых глаз парижского начальника. Естественно! Стритхэм просто не мог представить ничего подобного. А ведь из всех вампиров, подобно призракам, окруживших Джеймса прошлой осенью в Лондоне, Чарльз Фаррен, бывший граф Эрнчестерский, был самым безобидным, меньше других употреблявшим свои зловещие способности, чтобы охотиться на людей, заманивая их в ловушки.

Наблюдая вчера, как тонут в туманной тьме за кормой «Лорда Уордена» желтые огни Дувра, Эшер пытался понять самое странное во всей этой истории: почему венгр связался именно с Эрнчестером?

В Лондоне обитали и куда более опасные вампиры. Почему не с кем-нибудь из них?

Стритхэм скривился в гримасе, очевидно, означавшей улыбку.

– Конечно, доктор Эшер. Департамент вполне разделяет ваше беспокойство, особенно ввиду вашего внезапного ухода... – Это был изящный выпад, и Эшер почувствовал раздражение.

– Все, что я сказал тогда о Департаменте, остается в силе! – Он поставил чашку на стол. Во всяком случае, хотя бы чаем угостили. На такую внимательность он в Париже даже не рассчитывал. – Если бы Департамент собирались взорвать с помощью динамита, я бы улицу не перебежал, чтобы погасить фитиль! Но я вам говорю, речь сейчас уже не о Департаменте! – Голос Эшера по-прежнему звучал ровно, холодно, но старая ярость тлела под слоем пепла. – Речь о стране. Вы не должны позволить австрийцам нанять лорда Эрнчестера.

– Вам не кажется, что вы немного преувеличиваете? Ну примут они на службу какого-то гипнотизера...

– Это не просто гипноз, – сказал Эшер, чувствуя, что если он выйдет сейчас из терпения, то помощи не получит. – Я не знаю, что это такое. Я знаю только, что это страшная сила.

Он перевел дух, понимая, насколько сложно описать физические возможности вампиров даже тому, кто готов поверить в их существование. Хотя бы то, как они гасят разум своей жертвы и следуют за нею незримо или, находясь на соседней улице, читают сны спящего человека.

Прирожденные шпионы.

Конечно, Кароли, с детства знакомый со страшными карпатскими легендами, поверил бы этому быстрее, чем кто-либо другой.

«Я готов выполнить любой приказ императора, каков бы он ни был...» Он произнес это с пылающими глазами – в духе прочих молодых глупцов из офицерского корпуса, но Эшер знал уже тогда, что Кароли говорит правду. Просто разные люди вкладывают разный смысл в одни и те же слова.

«По сути, ничего не изменилось», – подумал Эшер. Трудно сказать, сколько раз в течение нескольких лет он находил приют в этом неприметном доме недалеко от посольства, сколько раз отправлялся отсюда в путешествия по Европе исследовать архаичные формы глаголов или собирать легенды о феях и героях. Возвращался же с чертежами немецкого линейного корабля или списком фирм, продающих оружие грекам.

Все это было так давно, что казалось, будто не он, а кто-то другой рисковал жизнью и кривил душой ради сведений, которые все равно через год устареют.

Стритхэм сложил руки, белые и мягкие, как у женщины.

– Конечно, перестав сотрудничать с Департаментом, – с неким извращенным удовлетворением начал он, – вы не можете знать о том, что по смерти старой королевы мы тут претерпели реорганизацию. После Южной Африки бюджет нам сильно урезали, так что теперь мы вынуждены делить этот дом с визовой службой и атташе. Конечно, мы не можем потребовать, чтобы французские власти арестовали гражданина Австрии только на основании того, что вы мне сейчас рассказали. По вашим словам, он аристократ и, видимо, имеет отношение к дипломатическому корпусу. Выделить агента, чтобы он следовал за Кароли по всему Парижу, а тем более в Вену или Будапешт, мы также не можем...

– Кароли – наша единственная нить, – тихо сказал Эшер. – Только он может вывести на Эрнчестера...

– Да прекратите вы называть его Эрнчестером! – Стритхэм со злостью уравнил край служебной бумаги с кромкой стола. – Граф Эрнчестерский – мой друг. Я имею в виду: настоящий граф Эрнчестерский. Люциус Уонтхоуп. Мы с ним однокашники, – не удержавшись, похвастался он.

Видимо, речь шла о колледже Церкви Христовой в Оксфорде, и Эшер невольно задался вопросом, не тот ли это Люциус Уонтхоуп, что пытался ухаживать за Лидией восемь или девять лет назад. Имя его Стритхэм произнес как «Уонт'п» – на оксфордский манер.

– Если какой-то самозванец присвоил чужой титул, то это еще не повод поддаваться на обман.

– Это не имеет значения, – устало сказал Эшер. – Пусть он называет себя хоть Альбертом Сакс-Кобург-Кота. Кстати, я в курсе относительно реорганизации и бюджета. Установите за ним слежку. Вот адрес с его багажа Тут, правда, указано, что он следует транзитом, но ваш человек довольно легко его опознает. С ним будет огромный ящик – или чемодан, – с которым он, скорее всего, направится в сторону вокзала Гар де л'Эст, если сразу собирается отбыть в Вену. Впрочем, возможно, что у него здесь есть дом, где он будет встречаться с сообщником. Выясните, с кем он связан...

– И что потом? – Стритхэм издал смешок. – Вогнать ему в сердце кол?

– Если это будет необходимо.

Глаза Стритхэма – близко посаженные, с вялыми мешочками цвета рыбьего брюха – снова сузились, внимательно изучая Эшера. Сегодняшним утром Джеймсу пришлось бриться и умываться в одном из общественных туалетов на вокзале Гар дю Нор – сразу после отправления телеграммы, – и он сознавал, что больше похож на клерка, лишившегося работы и крова, чем на оксфордского преподавателя.

Руководитель парижского отделения снова хотел что-то сказать, но Эшер не дал ему и рта раскрыть:

– Если надо, я дам телеграмму полковнику Глейчену в Уайтхолл. Это шанс, который мы не имеем права упускать. Я потратил последние деньги, чтобы прибыть сюда и предупредить вас. С более серьезной опасностью ни я, ни Департамент еще не сталкивались. Поймите наконец: я бы не сделал этого, если бы думал, что Эрнчестер не более чем опытный гипнотизер. У нас просто нет выбора. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он начал работать на австрийскую разведку. Все, что начинается в Вене, заканчивается в Берлине. Вы это знаете. И Глейчен это тоже знает.

При упоминании главы отдела МО-2/Д лицо Стритхэма медленно стало краснеть. Он шумно вздохнул:

– Я доложу об этом на днях, а пока могу приставить к нему только Крамера из отдела информации. Вы удовлетворены?

Эшер напряг память, но ничего из нее не выудил.

– Вы с ним не встречались, – раздраженно сказал Стритхэм. – Он пришел позже. Но работник хороший.

– В какой области?

– Информация.

– Вы имеете в виду, стришет газеты? – Эшер встал, взял шляпу.

За высокими окнами снова начинался дождь. Мысль о пешей прогулке к банку Барклая, что на бульваре Османн, вызвала у него такое чувство, будто в груди болезненно, со скрипом проворачивались ржавые шестерни...

– Сегодня каждый сотрудник вынужден освоить несколько специальностей. – Стритхэм теперь даже и не скрывал неприязни. – Мне очень жаль, но бюджет наш таков, что даже не позволяет устроить вас на ночлег и оплатить дорожные расходы. Я, конечно, могу предложить вам койку в одном из кабинетов...

– Благодарю вас, – сказал Эшер. – Я как раз направляюсь в банк...

«Этот Крамер наверняка только и умеет, что вырезать статьи из газет», – думал он.

– Тогда не смею задерживать.

«А ведь было время, – думал Эшер, спускаясь по мелким ступеням из песчаника, – когда я любил Париж...»

Впрочем, он любил его и сейчас. На фоне набухшего дождем неба и зданий пепельных оттенков бледно-золотистые стволы сбросивших листву каштанов казались особенно яркими. На окнах за железными решетками балконов – жалюзи; красные и синие тенты магазинов напминали распустившиеся цветы. Движение на бульваре было оживленным: мерцающие от влаги кожаные крыши фиакров, ярко окрашенные электрические трамваи, крики «Посторонись!», элегантные ландо, лошади, выдыхающие пар на влажном холоде, как драконы, мужчины и женщины в дневной одежде оттенков баклажана и влажного камня.

«Все-таки волшебный город», – подумал Эшер. Даже в бытность его сотрудником Департамента, когда пришлось вплотную познакомиться со здешним жульем: головорезами, взломщиками, фальшивомонетчиками, скупщиками краденого, – Эшер все равно считал Париж волшебным городом.

Но теперь он спешил завершить все свои дела и как можно скорее покинуть Париж, потому что очень уж не хотелось ему оказаться в этом городе после заката солнца.

Ибо имелся в районе Моро старинный особняк, принадлежащий женщине по имени Элиза. И с тех пор, как Эшера, завязав ему предварительно глаза, привели туда однажды ночью и он увидел этих бледнолицых прекрасных созданий, играющих в карты посреди ярко освещенного салона, он уже никогда не чувствовал себя на этих улицах в безопасности. Во всяком случае, добровольно бы он в этом городе не заночевал ни за что.

В банке Барклай он снял со своего счета двадцать фунтов (пятьсот франков) – сумму, более чем достаточную, чтобы отобедать в Пале-Рояле и вернуться в Лондон, но неудобства минувшей ночи отбили у него желание вновь испытывать судьбу. Полдень давно уже миновал, но в Вефори еще можно было заказать ланч. Эшер расположился за столиком в углу – с омлетом, кофе, бутербродами, ничуть не напоминавшими ту пародию, что подают в Англии, и номером «Ле пти журнал». Отправление следующего поезда – в четыре. Посетить Лувр он, конечно, не успеет, но можно заглянуть к букинистам на набережной и, если останется время, в Нотр-Дам.

Когда состав покинет Гар-дю-Нор, начнет смеркаться, но будем надеяться, что света еще будет достаточно.

И пока он перелистывал страницы, одна половина мозга просеивала и сортировала газетные сообщения (сербы требуют независимости от Австрии, Россия требует правосудия для сербов, новое правительство Турции учинило очередную резню армян, султан строит козни, надеясь восстановить утраченную власть, а кайзер нацелен на создание самых быстрых линейных кораблей и самой мощной артиллерии), другая же половина прикидывала, что будет, если в эту путаницу вмешается еще и вампир.

В любом случае последствия были бы ужасающие.

Эшер понимал, что Европа ходит, оскальзываясь, по краю пропасти. Немецкий кайзер заранее просил извинения за то, что сделают его армии; французы распалялись гордостью, яростью и жаждали реванша. Австрийская империя пыталась укротить славянские меньшинства, в то время как русские трубили о своем намерении эти меньшинства поддержать. Эшер буквально видел спешно закупаемое новейшее оружие и строящиеся железнодорожные линии, готовые нести солдат к местам будущих сражений. В Африке ему уже доводилось наблюдать, на что способно это оружие.

Люди, готовые без колебаний бросить на пулеметы солдат, вооруженных ружьями, с той же готовностью предоставят одного или двух политзаключенных на завтрак тому, кто способен невидимо проскользнуть в любое консульство, лабораторию, штаб армии или флота.

Он перевернул еще одну страницу и снова вызвал в памяти бледные лица вампиров. Грубый и мощный Гриппен. Загадочно-презрительный Исидро. Забияка Джо Дэвис. Очаровательная Селеста.

Граф Эрнчестер. Почему именно он? Эшер искал – и не находил ответа.

Эрнчестер. Самый слабый из них, странно хрупкий, создание Гриппена, то есть раб Мастера лондонских вампиров... А знает ли Гриппен, что маленький аристократ покинул Лондон и вступил в сговор с иностранной разведкой? Может быть, они сначала пытались выйти на Гриппена, но безуспешно?

«Тот не вампир, – сказала Элиза де Монтадор, и свет газовых рожков замерцал в ее зеленых глазах, – кто подвергает опасности других вампиров, выдавая людям места охоты или самый факт нашего существования». Красивая женщина, с перьями страуса в волосах, в черно-зеленом платье, сидящем столь естественно, что, право, не верилось, будто владелица его рождена в эпоху пеньюаров и трехфютовых париков. Эшер помнил нечеловеческую силу ее ледяных рук и подобные когтям ногти, разрывающие вены на его руках.

«Почему бы Игнацу Кароли не войти в контакт с Элизой? – задумался он. – Или с вампирами Вены? В любом городе, где имеется беззащитная беднота, можно найти и тех, кто охотится в ночи».

Эшер просмотрел газету до конца, но так и не обнаружил сообщения об обескровленном трупе рабочего, найденного в поезде или на пароме.

– Доктор Эшер?

Высокий молодой человек, вошедший в ресторан и направляющийся к его столику, был не знаком Эшеру. Судя по покрою костюма и гладкому с тяжелым подбородком лицу, англичанин. Он протянул Джеймсу руку, карие глаза с любопытством смотрели из-под падающей на лоб пшеничной челки.

– Я Эдмунд Крамер.

– А... – Эшер крепко пожал руку в американской перчатке из дубленой кожи. – Тот сотрудник, чье отсутствие в архиве грозит безопасности государства?

Крамер засмеялся и сел в кресло, подвинутое ему Эшером. Появился официант с еще одной чашкой черного кофе и бутылкой коньяка. От последнего Эшер отказался.

– С деньгами у нас в последнее время и впрямь сложно, по Стритхэм мог бы и оплатить вам дорожные расходы, не говоря уже о завтраке. Надеюсь, визит в банк прошел удачно?

– Вы созерцаете последствия этого визита. – Эшер небрежно указал на пустые тарелки и, когда официант, вернувшись, осведомился, не принести ли еще кофе, вручил ему два франка. – Вы за мной следили?

– Полагал, что найду вас в одном из кафе в Пале-Рояле, – пояснил молодой человек. – Стрит сказал, что вы хотите зайти в банк Барклая, а это ведь совсем рядом. Я сейчас направляюсь в отель «Терминус» и хотел бы узнать побольше об этом Эрнчестере и его венгерском дружке. – Он достал из нагрудного кармана записку, на которой Эшер обозначил адрес отеля «Терминус», что близ вокзала Сен-Лазар. – Шеф, кажется, полагает, что этот Кароли – крепкий орешек.

«Крепкий орешек».

Эшер взглянул в сияющие глаза собеседника, и сердце его сжалось. Мальчик был чуть старше тех студентов, которым он должен был сегодня читать лекции в Новом колледже, если бы не его поездка в Уэльс. Как можно посылать безусого новичка по следу такого человека, как Кароли, не говоря уже об Эрнчестере!

– Он смертельно опасен, – сказал Эшер. – Не попадайтесь ему на глаза, не вздумайте подходить к нему близко, если сможете. Упаси боже, если он заподозрит, что вы за ним следите. Я знаю, он выглядит так, будто всю жизнь только и делал, что примерял мундиры и подбирал усики, но это, поверьте, не так.

Крамер кивал, отрезвленный словами Эшера, и тот невольно задался вопросом: что Стритхэм сказал о нем этому юноше?

– А Эрнчестер?

– Эрнчестера вы не увидите.

Вид у молодого человека был озадаченный.

– Он еще и не на такое способен. – Эшер поднялся, оставив официанту пять франков, и двинулся к дверям. – Так что давайте сосредоточимся на Кароли. Сколько у вас денег?

Крамер моргнул.

– На железнодорожный билет и на завтрак хватит?

– Примерно так...

Когда они вышли из высоких дверей и оказались в пассаже, вновь пошел дождь и прекращаться не собирался. В галерее стало многолюдно. Преобладали господа с фондовой биржи и из близлежащих банков (все – в цилиндрах и дорогих пальто) и дамы в юбках, подобных блистающим цветам на фоне серого ливня, деревьев, темной почвы садов. Вскоре Эшер нашел

то, что искал, – лавку ювелира. Крамер наблюдал в замешательстве, как Эшер покупает три серебряные цепи – каждая длиной приблизительно восемнадцать дюймов. Торговец уверял, что серебро чистое.

– Наденьте на шею. – Когда они снова оказались в пассаже, Эшер вручил одну из них Крамеру. Многие магазины были уже освещены газовыми рожками, свет из широких витрин мерцал на толстых звеньях. Крамер пытался открыть замок, не снимая перчаток. – Эрнчестер искренне убежден в том, что он вампир, – продолжал Эшер, застегивая другую цепь на запястье Крамера. – Так что серебро может спасти вам жизнь.

– Он сумасшедший?

Эшер отвлекся на секунду, взглянул молодому человеку в глаза – и снова сосредоточился на замочке второй цепи.

– Будьте с ним осторожны. – Цепочка туго облегла запястье. Крамер был хорошо упитанный молодой человек. – После наступления темноты не расслабляйтесь ни на секунду. Да, он сумасшедший, но это не значит, что он не сможет убить вас в течение нескольких секунд.

– Тогда, может быть, заглянуть в Нотр-Дам купить распятие? – Крамер еще силился улыбнуться.

И Эшер вспомнил лейтенантика, судя по произношению, выходца из Восточной Англии, с которым познакомился в вельде. Как его звали-то? Пинчхон? Прадлхон?.. Стойка «смирно», руки по швам, взгляд устремлен в пустыню цвета льва. «Говорят, это всего лишь горстка фермеров».

– Серебро их отпугивает, – сказал Эшер.

Крамер, казалось, не знал, что ответить.

Даже в Пале-Рояле трудно было во время дождя поймать свободный фиакр. Они высаживали седоков у метрополитена близ вокзала Сен-Лазар и сразу направлялись к отелю «Терминус».

– Может, поспрашивать возниц? – Крамер указал на стоянку, где, впряженные в двухколесные фиакры, мокли понурые лошади, в то время как люди, кутаясь во что попало, старались укрыться от дождя под деревьями.

Эшер покачал головой.

– Скорее всего, он обратится в компанию грузовых перевозок. Ящик слишком велик. Лондонские четырехколесные повозки еще могли бы его увезти, а парижские фиакры слишком легки для такой ноши. Но кое-что мы здесь проверим...

Эшер поднялся по серым гранитным ступеням отеля «Терминус» и пересек темный турецкий ковер, устилавший вестибюль. Крамер шел по пятам, как большой, хорошо выдрессированный пес.

– Пардон, – сказал Эшер клерку по-французски с немецким акцентом. Вел он себя тоже как немец, держа плечи подобно офицерам из Южной Германии, но ни в коем случае не с прусской окаменелостью. У Парижа долгая память, так что с подобной манерой поведения на помощь можно было бы не рассчитывать. – Я пытаюсь выяснить местонахождение моей сестры Агнессы. Она должна была прибыть сегодня дьеппским поездом, но мы не встретились. Затруднение в том, что я не знаю, путешествует ли она под нынешней фамилией или же под фамилией своего первого мужа, который погиб в Кении...

Когда они с Крамером вновь пересекли площадь, Эшер сказал:

– Кароли зарегистрирован. Это хорошо. – Он проскользнул между ярко-красным электрическим трамваем и роскошным автомобилем и направился вверх по Рю дю Ром. – Он даже указал один из своих титулов. Теперь начинается самая скучная и выматывающая часть нашей работы...

– Протестую! – радостно сказал Крамер, вздергивая воротник от холода. – Нет более скучной и выматывающей работы, чем прочесывать в день сотню парижских газет в поисках

одной-единственной заметки, которая могла бы заинтересовать Военное министерство. Так что приказывайте.

Эшер усмехнулся и взошел на крыльцо скромной гостиницы, втиснувшейся между табачной лавкой и какой-то конторой.

– Слышу глас храбреца и настоящего агента.

Он почти уже забыл тот дух товарищества, что объединял сотрудников секретной королевской службы... А мальчик, между прочим, имел задатки. Жаль только, что у него не было наставника получше, чем этот Стритхэм.

Снова став страбургским немцем, Эшер обратился к дежурному клерку с очередной байкой – на этот раз не о потерявшейся сестре, но о пропавшем багаже (ящике полутораметровой длины с кожаной обивкой и железными обручами). Вокзальная неразбериха, неправильно обозначенный адрес... Нет? Нет. Может быть, герр посоветует, к какой местной компании по перевозке грузов стоит обратиться? Городской справочник, что и говорить, приобрести недолго, но вряд ли он поможет в данном случае...

– Есть список фирм, мсье, который мы используем, когда клиент везет такого рода багаж. Не у каждой компании есть телефон, но у нас тут имеется кабинет с телефонным аппаратом...

– Чудесно! Герр столь добр! Конечно, каждый звонок будет оплачен! Пожалуйста, примите в знак признательности... Теперь действуйте, – мягко сказал Эшер, когда клерк вышел, оставив их вдвоем с Крамером в обшитом деревом кабинетике. – Компании, у которых нет телефона, вам придется посетить лично. Я сейчас возвращусь к отелю «Терминус» и постараюсь не спускать глаз с Кароли. Там есть кафе на углу рю д'Амстердам и Гаврской площади, а напротив, на Рю дю Ром, – другое. Оба просматриваются со стоянки такси. Я буду в одном из них. Если вы меня там не застанете, значит, я следую за Кароли. В любом случае вы меня ждете там. Последний поезд на Лондон отбывает от вокзала Сен-Лазар в девять. Постараемся встретиться в полдевятого. Идет?

Крамер кивнул:

– Идет. Было весьма любезно с вашей стороны ввести меня в курс...

Эшер безнадежно покачал головой, встал и достал из кармана перчатки.

– Не позволяйте им вас заметить. Но и не теряйте их из виду. Все куда серьезнее, чем вам кажется.

Ответом была ребяческая улыбка:

– Я буду стараться...

Эшер взял потрепанный коричневый саквояж, с которым таскался весь день, и кивнул:

– А большего никто из нас сделать и не сможет.

Уже на лестнице он приостановился и оглянулся, дабы удостовериться, что тучный сотрудник уже расположился перед аппаратом, положив на колено список телефонных номеров. «И даже нет денег, чтобы нанять кого-нибудь получше!» – подумал он чуть ли не с отчаянием – Париж не был горячей точкой. Все опытные работники Департамента сейчас либо в Ирландии, либо на индийской границе.

Он почти вернулся домой.

«И что теперь? – спросил он себя. – Преследовать Кароли самостоятельно? Или вернуться в Департамент и выполнять все их приказы, как выполнял прежде?»

Тогда какая разница?

«Огромная, – подумал он с горечью. – Однако и в том, и в другом случае делать придется одно и то же».

Душа ныла, как старая рана перед штормом.

В кафе на углу рю д'Амстердам Эшер заказал черный кофе и приготовился ждать. Газету он читать не мог, поэтому попросил официанта принести ручку с бумагой и, внимательно следя краем глаза за стоянкой такси, развлекал себя игрой, состоявшей в угадывании состоятель-

ности, рода занятий и семейных связей выходящих с вокзала пассажиров. Не столь систематически, как это проделывал мистер Холмс у Конан Дойля, зато с обостренным привычкой чутьем агента. Место как нельзя лучше подходило для этой полезной забавы. Эшер насчитал три немецких диалекта, пять итальянских, венгерский, голландский и добрую дюжину разновидностей французского. Прошла пара, беседующая по-гречески. «Брат и сестра», – предположил он, исходя из характера беседы и сходства черт. Чуть позже появилось маленькое японское семейство. «Однажды, – подумал Эшер, – мне придется выучить и этот язык».

Если он останется в живых.

Часы на Трините ударили четыре раза, но Эшер и так уже знал, что не успевает на дневной поезд.

Ни Крамер, ни Кароли не появлялись.

Время от времени официант приносил кофе, несколько не удивляясь такому посетителю. Есть люди, которые просиживают в кафе весь день до вечера: пишут письма, читают, пьют кофе и ликеры, играют в шахматы и домино. Ждут друзей или коротают время до отправления поезда.

Небо цвета сажи расцвело над площадью белыми яркими электрическими огнями. Возницы сменили дневных лошадей на разбитых одров (какой смысл ставить доброго коня на суровую ночную работу!) и зажгли желтые лампы, обозначающие их принадлежность к району Монмартра.

Было почти шесть, когда Эшер увидел Кароли. С хищной грацией (гепард, прикидывающийся домашним котом) Игнац Кароли быстрым шагом приближался к отелю «Терминус» посматривая по сторонам. Когда он взбегал по ступеням, колыхнулось широкополое венгерское пальто; дуговые лампы осветили гладко выбритый волевой подбородок и красивые губы; глаза затаились в тени полей шляпы. Таким образом он двигался лишь тогда, когда полагал, что за ним никто не наблюдает. Это удивительное открытие Эшер сделал еще в Вене. Кроме того, Кароли всегда выдавало то, что он был умнее своих поступков.

Эшер расплатился, проклял Департамент и, прихватив свой саквояжик, долго слонялся по площади, держась в тени деревьев возле стоянки такси, пока венгр не появился снова из дверей отеля. Эшер слышал, как он велел ехать на Рю дю Бак. По дороге Кароли вполне мог сменить экипаж, поэтому Эшер просто сказал своему вознице:

– Следуйте за тем фиакром, но не позволяйте ему нас увидеть.

Возница – язвительный, похожий на воробья парижанин – понимающе подмигнул в ответ и хлестнул свою клячу.

Они пересекли Королевский мост. Огни Лувра сияли, отражаясь в черной воде. На набережной Кэ д'Орсе Кароли отпустил фиакр, и Эшер, последовав его примеру, двинулся за ним по людным улицам левого берега. Под сенью деревьев бульвара Сен-Жермен Кароли подцепил ярко одетую, небрежно причесанную женщину – одну из тех, что, подобно вампирам, появляются лишь с наступлением темноты. Джеймс почувствовал легкий приступ неприязни и к своему подопечному, и к себе самому, но продолжал следовать за парочкой на безопасном расстоянии. Они свернули с освещенного бульвара в темные кварталы старых домов, выстроенных еще до нововведений «гражданина короля», остановившегося однажды промочить горло в одной из харчевен. Стоя в сыром мраке переулка, Эшер слышал удар часов. Скулеж скрипок и гармоник достиг его слуха, и в ярком отблеске цветных огней он рассмотрел безвкусный водоворот юбки, полосатые чулки и смеющийся рот, окутанный синеватым дымом сигареты.

Вечерний поезд уходил в девять. Эшер прикинул, есть ли у него время оставить сообщение для Крамера или даже встретиться с ним. Кажется, придется все-таки провести ночь в Париже. Мысль была не из приятных. Сзади слышался шорох, сердце подскочило к горлу – и Эшер обернулся, уже мысленно видя холодные белые лица и странно мерцающие глаза Мастера Парижа с ее выводком...

Всего-навсего кот.

Если бы это была Элиза де Монтадор, он бы вообще ничего не услышал.

Когда Кароли и женщина снова вышли из кафе, она уже цеплялась за его руку. Не заколотые булавками волосы напоминали овечью шерсть. Насколько помнилось Эшеру, Кароли всегда вел себя галантно с девушками его круга и с дочерьми венских нуворишей, зато инкогнито совращал молоденьких продавщиц, а на постоянных дворах – девчушек, работающих на виноградниках.

Их шаги звонко отдавались на сыром тротуаре. Когда они поравнялись с невидимой Эшеру нишей, навстречу им шагнул мужчина в полосатом свитере и матросской куртке:

– Не пожалейте пары су честному-благородному человеку, обиженному судьбой!

– Иди работай! – Голос Кароли был холоден, произношение – безупречно.

Попрошайка насупился и преградил им дорогу. Не столь рослый, как венгр, он был широк в плечах, мясист, и поза его теперь таила откровенную угрозу:

– Рад бы, но...

Легким движением руки Кароли стряхнул женщину, оставив ее сползать спиной по черной, как сажа, стене, и перехватил поудобнее трость. Прежде чем нищий смог раскрыть рот, палка с треском опустилась на его череп. Бедняга скорчился – и Кароли ударил снова. Изо всей силы, словно выбивал ковер. Расчетливо. Неторопливо. Этот район редко посещался стражами порядка.

Женщина стояла, заткнув рот кулаком, и в ужасе глядела на происходящее. Она не попыталась убежать, да и была ли она сейчас на это способна! Покончив с побирушкой, Кароли повернулся к спутнице и, схватив за жакет, рванул к себе. Та повисла на его плече, как пьяная или наркоманка. Скудного света из окон кафе было вполне достаточно, чтобы различить кровь на неровной мостовой. Лежащий дышал хрипло, со стонами.

«Он нуждается в помощи, – подумал Эшер. И затем: – Если я сейчас зайду в кафе, я упушу Кароли».

Тихо, как бродячий коричневый кот, двигаясь в тени вслед за уходящей парой, Эшер вспомнил, почему он порвал с Департаментом. Однажды ты выполнишь приказ страны – каким бы он ни был – и возненавидишь себя...

Дом представлял собой одно из тех бесчисленных оштукатуренных с фасада парижских строений, чей облик не изменился со времен «короля-солнце». Двери и ставни были наглухо закрыты. Как только Кароли отомкнул вход в полуподвальный магазинчик, Эшер нырнул в переулок с немногочисленными трубами над линией крыш и затем проскользнул в заросший сорняками двор. Света за ставнями на втором этаже было вполне достаточно, чтобы различить обрушенный навес старой кухни, наполненные дождевой водой бочки, старые доски, сломанные ящики. Щели в ставнях сияли. Под подошвами ботинок была клейкая грязь, воздух был густ, благоухал навозом, откуда-то тянуло падалью.

Эшер оставил саквояж возле бочки с дождевой водой и крайне осторожно взобрался на крышу бывшей кухни. Сквозь сломанные жалюзи он увидел, как Кароли привязывает женщину к рахитичному креслу. Она смеялась, запрокидывая голову:

– Тебе так нравится, да? Хочешь, чтобы я чуток побрыкалась?

Кароли снял перчатки, бросил шляпу на испятнанный и провисший матрац кровати. Безмятежность его красивого лица была сравнима с безмятежностью статуи. Расслабленные плечи также говорили о полном спокойствии. Казалось, он и сейчас действует, ни на секунду не забывая, что все это – для блага страны и, следовательно, заслуживает прощения. В голосе Игнаца Кароли звучала ирония:

– Побрыкайся, пташка. Вдруг поможет...

В глубине помещения Эшер различил огромный, обитый кожей чемодан с окованными медью уголками. Он был открыт, и тусклый свет керосиновой лампы мерцал на его металли-

ческих частях. Чрево его было залито тенью, но Эшер видел, что внутри находится еще один, несколько меньший чемодан, в котором тем не менее вполне мог поместиться человек.

Шум во дворе чуть не заставил его сердце остановиться. «Крысы подрались, – сообразил он спустя секунду и обессиленно прислонился к ледяной кирпичной стене. – Верно, из-за той падали под навесом...»

Когда он оглянулся, Эрнчестер уже был в помещении.

– Поздно вы, – заметил Кароли. Таким голосом упрекают за опоздание к чаю. – Поезд отходит от вокзала Гар-де-л'Эст в семь тридцать. Времени у вас осталось только на то, чтобы заняться этим небольшим эклером. Скоро сюда придут извозчики...

Он подступил к хихикающей женщине, ухватил грязное кружево воротника и разорвал платье до пояса. Сорочки на женщине не оказалось – один корсет, из которого, подобно тесту, выпирала грудь с сосками, похожими на медные пенни. На шее поблескивала дешевая позолоченная цепочка. Женщина подмигнула Эрнчестеру и подбросила юбку движением колена. Штанишек она тоже не носила.

– Торопись, а то опоздаешь на поезд, *chère!*² – Она откинула голову, призывно чмокнула накрашенными губами и снова захихикала.

Эрнчестер смотрел на нее без выражения. Он, казалось, несколько усох с тех пор, как Эшер видел его последний раз. Хрупкий старичок в старомодной одежде. Хотя все остальные вампиры выглядели от силы тридцатилетними. Держался Эрнчестер не по-стариковски, не было и седины в его коротко подстриженных прямых волосах, но, глядя на него, Эшер почему-то представлял себе пустой, покрытый пылью стеклянный сосуд.

– Я уже отобедал, – отозвался Эрнчестер.

– Ну и что, маленький? – смеялась женщина. – А десерт?

Кароли с отвращением пробормотал венгерское ругательство, явно относящееся не к женщине, а к бессмысленно потраченному времени, и вытянул из кармана тонкий шелковый шарф. С убийственным изяществом сложил из него петлю и накинул на шею жертвы. Дыхание пресеклось, она выгнулась, запищала, забила ногами. Один ботинок слетел и с силой вцепился в стену.

Эшер отвернулся, прижавшись щекой к холодным кирпичам. Он знал, что, если попытается вмешаться, станет одним мертвецом больше. Уже с того момента, как Кароли подцепил ее на бульваре, женщина была обречена, и Эшер прекрасно об этом знал.

А еще он знал, что звуки борьбы – треск и скрип кресла, хрип и агония жертвы – заглушат шум его бегства, и тогда он успеет на Гар-де-л'Эст раньше, чем там окажутся эти двое, а поезд отходит в семь тридцать...

«Слишком долго имел дело с Департаментом», – с горечью успел подумать он, тихо соскальзывая по водосточной трубе. Эшер знал, что спасти эту женщину он был не в силах. Попытка стоила бы ему жизни, и еще миллионов жизней она стоила бы Англии – в том случае, если кайзер собирается развязать войну...

«Трус! – проклинал он себя. – Трус, трус!..» Вот и они всегда говорили, что самое главное – добраться домой с информацией, чего бы то ни стоило вам и всем прочим. Честь для сотрудников Департамента считалась непозволительной роскошью.

Часы пробили семь, напоминая, что времени мало. Эшер приземлился в груды старых досок у стены бывшей кухни. Крысы брызнули врассыпную, и вновь потянуло мертвечиной.

Он забрал свой саквояж, но что-то заставило его обернуться и возвратиться. Среди развалившихся досок в тонкой полоске света виднелась кисть человеческой руки.

«Я уже отобедал», – сказал Эрнчестер.

Эшер нагнулся и сдвинул доску в сторону.

² Дорогуша (*фр.*).

Крысы успели изуродовать лицо мертвеца, впрочем, при таком освещении черт так и так не разглядишь. Однако на пухлом запястье обнаружилась знакомая серебряная цепь.

Глава 3

– Было время, когда я сожалел о манерах, утраченных нынешним обществом.

Лидия задохнулась, как при пробуждении от холода или ушата ледяной воды. Бледный мужчина одной рукой вынул из ее судорожно сведенных пальцев самодельное оружие, а другой поднял на ноги. Сила пальцев, сомкнувшихся на локте Лидии, не оставляла сомнений в том, что их владелец может при желании пережать ее руку до кости. Решетка за его плечом была открыта, хотя она не уловила ни малейшего движения со стороны ниши. Оставалось предположить, что в течение нескольких предыдущих мгновений Лидия была в состоянии шока.

И вот теперь он стоял перед ней в белом саване, стройный, надменный и безупречно вежливый. Невысокий. Его глаза располагались на одном уровне с ее глазами и мерцали бледной желтизной с коричневыми крапинками, какими обычно покрывается со временем сухая древесина.

Он прижал ее к каменной стене, а когда заговорил, свет керосиновой лампы блеснул на острых клыках.

– Однако с тех пор как законных королей изгнали во Францию, а взамен пригласили немецких еретиков с их колбасниками и вешателями, нет больше в этой стране ни манер, ни общества. – Гнева в его тихом голосе Лидия не услышала, лицо также оставалось бесстрастным, но хватка не ослабевала по-прежнему. Его руки были подобны мрамору – руки мертвеца. – Всегда считалось, – продолжил он, – что если женщина врывается в дом к спящему мужчине, то, стало быть, она в беде.

В беде был Джеймс. Позже Лидия осознала, что только поэтому и осмелилась прийти сюда. Ее давняя встреча с Исидро была тогда вызвана опасностью, одинаково грозившей им всем. Теперь же все складывалось иначе.

– Я должна была поговорить с вами. Я пришла сюда днем, так что другие не узнают...

Он отпустил ее руку, но лесенка была такой узкой, что они стояли почти вплотную друг к другу. Лидия отметила, что от тела Исидро не исходит ни тепла, ни запаха. В складках савана, правда, мерещился легкий запах старой крови. За исключением тех мгновений, когда он говорил, тело его хранило полную неподвижность. Ни дыхания, ни жеста.

Она поправила очки.

– Лорд Исидро... дон Симон... мне кажется, мой муж в опасности. Мне нужен ваш совет.

– Ваш муж, сударыня, получил все, что я мог дать ему. Мало того, я оставил его в живых... – Желто-зеленые глаза рассматривали ее отрешенно и холодно. Не кошачьи, но и не змеиные, эти глаза не могли принадлежать и человеку. Ресницы белые, под стать волосам. – И вновь готов, позволив вам уйти отсюда, вернуть ему сокровище, которого он явно не заслуживает.

– Граф Эрнчестер работает на иностранное правительство.

Черты дона Симона Исидро не дрогнули. Лицо его, словно бы выточенное из слоновой кости, не выразило ни гнева, ни презрения, оставшись задумчиво-умиротворенным. Такое впечатление, что за несколько столетий он разучился испытывать сильные чувства. Голос также остался ровным и тихим. Дон Симон Ксавьер Христиан Морадо де ла Кадена-Исидро был единственным вампиром, с кем довелось встретиться Лидии, и она невольно спрашивала себя: все ли они такие?

– Пройдите наверх.

Он вернул ей оружие и двинулся по темным и влажным ступеням каменной лестницы, высоко подняв керосиновую лампу. Видневшиеся из-под савана ноги были босы. Клубилось позолоченное желтым светом дыхание Лидии, а владелец безымянного дома, казалось, не чувствовал холода.

Четыре кота, материализовавшиеся в судомойне, замяукали, требуя еды, но Лидия обратила внимание, что ни один из них не рискнул приблизиться к вампиру на длину его руки. Исидро поставил лампу на стол и, коснувшись насосика, выровнял пламя. Было чрезвычайно трудно заметить, как и когда он движется. Отдельные и мгновенные зрительные образы не складывались воедино, как во сне. Вот порхнули белые руки рядом со стеклянным колпаком лампы, и вот уже вспыхнул газовый рожок, и мягкое его сияние обозначило небольшой ястребиный нос, длинный подбородок и тени в уголках рта. Исидро открыл ледник и, обратившись к котам по-испански, поставил им миски с мясом и молоком. Затем отступил подальше. Лишь после этого коты осмелились подобраться к еде.

– Откуда вы это узнали?

Он помог ей сесть в кресло, сам же расположился на краешке стола. Его английский был безупречен, если не считать легкой кастильской шепелявости и странно смещенных ударений. В постановке плеч Исидро и в том, как он держал голову, чувствовалось эхо давней привычки к тесным камзолам и пышным высоким воротникам.

Она протянула ему телеграмму, которую получила утром в понедельник с Гар-дю-Нор:

– Игнац Кароли, он...

– Я знаю, кто такой Игнац Кароли, – спокойно отозвался Исидро, и Лидии показалось, что вот так неподвижно он просидел на этом краешке стола уже лет сто.

Пальцами цвета слоновой кости вампир поднес бумагу к ноздрям, затем мягко провел ею по скуле, тронул нижней губой.

– Венгерский дворянин, почитающий службу выше чести. Как и ваш супруг в свое время. Хотя, возможно, венгры и англичане вкладывают в эти слова разный смысл. Дипломат и шпион.

– Я ничего о нем не знала, – сказала Лидия. Страх ее отчасти прошел – по крайней мере, Исидро готов был ее выслушать. – Только то, что Джеймс сообщил в телеграмме. Но имя это мне известно. Я нашла его в одном из списков, который составила год назад, когда пыталась найти врачей, вошедших в контакт с вампирами. Этот Кароли был упомянут в примечании к статье о докторе Бедфорде Фэйрпорте.

Дон Симон слегка склонил голову к плечу, став похожим на птицу-альбиноса:

– Тот человек, что искал эликсир бессмертия?

– Следовательно, вы о нем слышали?

Вообще-то Фэйрпорт исследовал химические изменения крови и мозга, но определение Исидро показалось ей вдруг удивительно точным.

– Это было в одной из его ранних статей, – медленно продолжала она. – Году в восемьдесят шестом или восемьдесят седьмом он отправился в Австрию изучать крестьян-долгожителей. Так вот, частная лечебница, где он проводил исследования, принадлежала семейству Кароли, и приглашение исходило именно от Игнаца Кароли. В следующей статье Фэйрпорт благодарит его за финансовую поддержку. Затем фамилия Кароли исчезает и больше не упоминается. Я проверила.

– Больше всего меня изумляет то, что сам я ничего этого не читал. – Особого изумления в голосе Исидро Лидия, впрочем, не услышала. – Хотя подписываюсь на многие журналы, как вы уже, очевидно, заметили.

Лидия покраснела. Отчаянное и неизбежное проникновение в логово вампира обернулось вторжением в частный дом джентльмена.

– Я сожалею... – запнулась она, но он, не обращая внимания на ее слова, указал на насосик с распылителем:

– Что это?

– О... – Лидия вынула из кармана пластырь и залепила носик. – Нитрат серебра. Можно достать в любой лаборатории. Я... Джеймс как-то раз упомянул, что в одном доме могут спать два или три вампира... Видите ли, я просто не знала, с кем встречусь...

Она боялась, что он посмеется над ней, поскольку такое оружие ей вряд ли бы помогло. Но вампир лишь обронил: «Что ж, изобретательно», – и, дотронувшись до насоса, тут же отвел пальцы. В бледном свете газового рожка Лидия видела, что мочки ушей Исидро проколоты на цыганский манер.

– Стало быть, Кароли финансирует этого Фэйрпорта?

– Думаю, да. – И Лидия протянула ему вторую телеграмму, уже из Мюнхена. Телеграмму, заставившую ее спешно упаковывать чемоданы и, наскоро соврав что-то слугам, ехать в Лондон, чтобы найти там того, кто сидел сейчас перед ней на краешке стола, а самый маленький из его питомцев – гибкий дымчато-серый котик – терся об ее ноги.

Исидро взял вторую депешу:

«ОТБЫЛ ИЗ ПАРИЖА ТЧК АДРЕС ЭППЛЕР В ЗАПИСНОЙ
КНИЖКЕ
ДЖЕЙМС»

– Здесь он более осторожен в выражениях. – Вампир вновь поднес бумагу к губам. – Вы заглянули в эту записную книжку?

– После того как расшифровала послание – да.

Лидия машинально нагнулась, чтобы погладить кота. Исидро сидел, обхватив обеими руками колено. Длинные ногти вампира обладали странным глянцевым блеском и выглядели более толстыми, чем человеческие. Похоже на хитин. Но прямо спросить джентльмена о химическом составе его ногтей, наверное, было бы крайне бестактно.

– Видите ли, «записная книжка» – это что-то вроде кода, – объяснила она. – Миссис Эпплер здесь вообще ни при чем. Это мать одного из студентов Джеймса, проживающая в Ботли – примерно десять миль от Оксфорда. В записной книжке на букву «Э» она идет второй сверху. У Джеймса всегда при себе дубликат этой книжки. Существует простой шифр, когда каждая буква алфавита заменяется следующей по порядку. Я посмотрела страницу на F, а там на второй строчке – венский адрес Фэйрпорта. Кстати, телеграмма отправлена из Мюнхена в час сорок дня во вторник.

– С той же легкостью вы нашли и меня?

Лидия запнулась, не решаясь лгать. Первый страх миновал, но опасность была еще велика. Она понимала, что, не умея Исидро располагать к себе людей, он бы умер от голода три столетия назад.

Главные страхи – еще впереди.

– Я знала про этот дом, – наконец сказала она. – В теории. Я составила список предполагаемых жилищ вампиров для Джеймса, когда он был... Ну, словом, работал на вас.

Легкая морщинка залегла в уголке рта, чуть заметно дрогнули ноздри.

– Стало быть, австрийская разведка завербовала Фэйрпорта еще тогда, – сказал Исидро. – Статью, где Кароли упоминается в качестве спонсора, они проморгали. Впрочем, это неудивительно, если учесть, что в те времена творилось на Балканах и во Франции. А вот впоследствии Фэйрпорт, очевидно, уже и сам знал, что не стоит оглашать имя своего патрона.

– И это означает, – спокойно сказала Лидия, – что Джеймс сам идет в западню.

Исидро по-прежнему хранил неподвижность, телеграмма в его пальцах не шевельнулась ни разу. Но Лидия видела, как в глубине бледно-желтых глаз словно бы тасуется с невероятной быстротой карточная колода «Вспоминает», – предположила она. Статьи Фэйрпорта на венгерском и румынском, его работы, касающиеся продления жизни, пребывание в той части мира, которую Джеймс называл колыбелью легенд о вампирах... Наконец он поднял голову и сказал:

– Подождите меня.

Лидия не увидела, как он вышел из кухни. Просто оказалась одна.

Она взглянула на часы, не имея понятия, как долго ей придется ждать. Если бы она сама собиралась куда-нибудь в крайней спешке, то потратила бы на туалет, завивку и прочее два с половиной часа – время, которое ее супруг, истый мужчина, полагал потраченным попусту. По крайней мере, Лидия знала свои возможности в отличие от знакомых денди, полагавших, что могут привести себя в надлежащий, достойный вид всего за «одну секундочку».

Джеймс рассказывал ей (да она и сама убедилась в этом воочию), что вампиры способны двигаться с умопомрачительной быстротой. Однако мужчинам при сборах свойственно бесконечно перевязывать галстук и перекладывать из кармана в карман деньги, записные книжки, театральные билеты, словно от этого зависит их дальнейшее равновесие. Быть может, они и после смерти остаются такими же?

Двадцать пять минут – загадала она и прождала втрое больше, прежде чем Исидро возник снова. В пепельно-сером костюме он казался еще бледнее, нежели в белом саване.

– Идемте.

Глухие зловонные улочки и переулки, которыми он вел ее, были не освещены и полны скрытого движения. Должно быть, маршрут их не был прям, но убедиться в этом Лидия не могла, поскольку, стоило им выйти из дому, дон Симон забрал у нее очки. Кроме того, пока они шли, он трижды или даже четырежды коснулся ее разума, и каждый раз она словно пробуждалась от сна уже на другой улице, в другом дворе. Вокруг шевелилась ночь, мерцали смутные огни пабов, слышалась брань на идиш, немецком и русском, худые бородатые люди толпились в дверных проемах и возле жаровень. Те, что попадались навстречу, казалось, не замечали ни Лидию, ни дону Симона и тем не менее поспешно уступали им дорогу.

Каждую вторую неделю Лидия отправлялась в Лондон работать в анатомичке Святого Луки, куда пропахшие карболкой и формалином фургоны доставляли тела точно таких же людей с коричневыми сломанными зубами, грязных, завшивленных, умерших от пневмонии или запущенной опухоли, – материал, на котором Лидия и ей подобные с помощью ланцета изучали сложную красоту мышц и нервов.

Впервые наблюдая этих людей живыми и в естественной среде обитания, Лидия испытала соблазн расспросить их о пище и условиях работы, что, несомненно, внесло бы заметный вклад в патологию. С другой стороны, она была очень рада, что находится под защитой Исидро.

Они пересекли дощатый мост. Туман был настолько густ, что снизу сквозь него почти не проглядывала вода. Сбоку проступили и канули темные очертания старинной церкви. Потом был мерзкий двор позади паба, пропахший тухлятиной и кошками. Хотя глаза уже привыкли к темноте, Лидия только и смогла увидеть, как порхнули мотыльками бледные руки, а дальше послышался лязг замка. Скрипнули петли. Исидро сказал: «Прибыли», – и они ступили в непроглядный мрак.

Чиркнула спичка, бросив шафранный свет на узкое лицо Исидро.

– Не бойтесь, крыс здесь нет. – Он зажег пару сальных свечей в двойном канделябре. Сквозь дыры в заплесневелых черных обоях виднелась кирпичная стена. – Подобно котам, они знают, кто мы такие. Знают они и о том, что, хотя главная наша дичь – люди, кровь мы можем пить из любого живого существа. – Он поднял канделябр повыше. Сдвоенные тени закружились в причудливом танце. Исидро и Лидия направились к лестнице черного хода. – Антея и Эрнчестер редко спят сейчас в доме на Савой-Уок. Слишком много воспоминаний. Вообще-то она предпочитает охотиться поздней ночью, но, может быть, ушла к портнихе.

Пересекая зал (ободранный шелк на стенах, черные провалы дверей), Лидия снова взглянула на часы.

– Я полагала, портнихи работают по ночам только перед Рождеством...

– Одни расплачиваются деньгами, сударыня, другие – своим сном и досугом. Я, например, посещаю моего сапожника в полночь, и он всегда встречает меня с восторгом.

– Что вы ему говорите? – Лидия попробовала представить себе модистку своей тети Гарриет, принимающую клиента после семи (будь это хоть сама королева!), и не смогла.

Исидро окинул ее взглядом светлых янтарных глаз.

– Я говорю ему, что не потерплю такой безвкусицы, как двухцветные ботинки и пуговицы, торчащие наружу. – Он остановился перед дверью. – Примерно так.

Мебели в помещении, как и в доме Исидро, было не много – и вся старая. Кровать с резным изножьем стояла впритык к стене, обшитой ветхими деревянными панелями. Покрывало выцвело под стать обоям на лестнице. У другой стены – платяной шкаф черного дерева, безнадежно загубленный, пятнистый, с пыльными завитками резьбы. Двери его были распахнуты. На кровати валялись нижние юбки, корсеты, чулки, огромное манто и два платья. Ни одно из них, по мнению Лидии, не годилось для путешествия: первое вышло из моды, второе было белое. Никакая нормальная женщина, будь она живой или мертвой, в поезде его носить не станет.

– Она ушла вслед за ним, – сказала Лидия, заглядывая в платяной шкаф. Там висели только вечерние платья из бархата и шелка, сильно декольтированные. Исидро вернул ей очки. Она открыла нижний ящик. Дорожной обуви там тоже не обнаружилось. – И собиралась она в спешке...

Лидия остановилась, нахмурилась, надела очки. Зрение прояснилось, и стало заметно, что беспорядок вокруг ужасающий: из наспех задвинутых ящиков свисали рукава, шарфы, кончики платков.

– Здесь был обыск! – Исидро, незаметно улетучившийся в соседнюю комнату, возник снова. Казалось, он принюхивается. – Несколько дней назад сюда приходили живые. Я чувствую слабый запах их табака и крови.

Он осмотрел валяющиеся на кровати наряды. Цвет их, насколько могла Лидия различить в янтарном сиянии свечей, говорил о том, что владелица гардероба темноволоса. Все отличного качества: шведский хлопок, мелтоновская шерсть, итальянский шелк.

– Одни только ее вещи. – Рукой в серой перчатке Исидро поднял сорочку. – Его вещей нет. Мне это не нравится, миссис Эшер. – Он позволил шелку выскользнуть из пальцев. – Многие годы Эрнчестер был единственным смыслом существования Антеи. Она сильная натура, чего нельзя сказать о нем. Хрупок как стекло.

– Может, это и было причиной? – Лидия отвлеклась от ящика, на дне которого лежали заколка из слоновой кости и ножницы. Все остальное отсутствовало: гребни, щетки, зеркальца. Соседний ящик был выдвинут. Там, подобно мертвым паукам, лежали перчатки самых разных расцветок.

Исидро приподнял бровь. Лидия продолжила с сомнением:

– Может, он от нее сбежал?

– Ища убежища за границей, в Австрийской империи? – Дон Симон обогнул угол кровати, коснулся вмятины на пыльном покрывале, и ноздри его вздрогнули вновь, улавливая тончайшие запахи. – Не думаю. Она любила его, берегла. Она была для него всем. – Он помедлил, отвернулся; лицо – бесстрастное, как и голос. – Бывает, правда, что любят и ненавидят одновременно. Это то... – снова помедлил, поколебался – и закончил: – То, что я никогда не понимал, будучи живым.

Она встретила его взгляд, но не ответила. Спустя некоторое время Исидро сказал:

– Почтовый на Кале отбывает от Черинг-Кросс в девять. Сомневаюсь, чтобы мы успели собраться до этого времени. Так что встречаемся завтра в восемь на платформе: вы и ваша служанка. А я предварительно телеграфирую в Париж...

– Я не возьму с собой служанку, – возмущенно сказала Лидия.

Брови Исидро приподнялись вновь, бесцветные на бесцветном лице.

– Она не узнает, кто я такой. Просто случайный попутчик.

– Нет.

– Миссис Эшер...

– Тут не о чем спорить, дон Симон. – Мысль о путешествии в Вену с попутчиком-вампиром была страшна сама по себе. Но подвергать такой же опасности еще и ни в чем не повинную Элен... – Я пришла к вам за советом относительно вампиров, в частности, относительно лорда Эрнчестера. И не услышала пока что ничего конкретного. – Ей показалось, что в глубине светлых янтарных глаз вспыхнуло раздражение, но, к своему удивлению, страха она не почувствовала. – И я не возьму с собой никого, тем более женщину, которая служит у меня вот уже пятнадцать лет, даже не предупредив о предстоящей опасности. Нет, это невозможно.

– Порядочные женщины не путешествуют в одиночестве.

– Чепуха! Моя подруга Джосетта Байерли всегда ездит одна и...

– А вы одна не поедете. – Голос Исидро не стал громче, но Лидию словно обдало ледяной волной. – В мои времена из дому в одиночестве выходили только крестьянки да уличные женщины.

– Ну, если бы сейчас вдоль дороги от Лондона до Кале бродили шайки разбойников и наемных солдат, я бы, конечно, прислушалась к вашему совету...

– Перестаньте говорить глупости. Кароли опаснее любой шайки, не говоря уже об Эрнчестере.

– Это вы говорите глупости! – огрызнулась Лидия, хотя в глубине души признавала, что он прав. – Сейчас двадцатое столетие, а не семнадцатое. Я с благодарностью приму любой ваш совет...

– Советы мало помогут вам против Кароли и Эрнчестера. Если вы хотите уберечь вашего мужа от опасности, вы должны ехать со мной. Я же отправляюсь с вами, чтобы предостеречь Чарльза от того, что он затеял, каковы бы ни были его мотивы.

Лидия молчала, обессиленная одной только мыслью о предстоящей поездке.

– Если это ваш долг, – медленно произнесла она. – Спасибо... но я не возьму служанку в путешествие, где она может встретиться с Эрнчестером или догадаться, кто вы такой. Это вполне вероятно, – добавила Лидия. – Элен весьма любопытна и гораздо умнее, чем кажется. Я не могу с ней так поступить.

– Наймите кого-нибудь специально для путешествия.

– Чтобы вы ее потом убили, когда все кончится? И меня заодно? – добавила она, холодея при мысли о таком исходе.

Лидия и так уже слишком много знала. Одно только ее вторжение в логово вампира грозило нарушить границы, тщательно обговоренные Джеймсом и Исидро год назад в доме на Харли-стрит, ныне сгоревшем.

«Ему нужен живой попутчик, – подумала она. – Кто-нибудь способный позаботиться о его дневном укрытии. Кто-нибудь настолько знающий Джеймса, чтобы выследить его... и таким образом выйти на Кароли с Эрнчестером».

Она сказала Элен и миссис Граймс, что едет в гости к кухне. Значит, ее хватят только через неделю.

– Вам не стоит бояться меня, сударыня, – медленно проговорил вампир. – Не стоит бояться и за попутчицу. Во всяком случае, до тех пор, пока она не начнет совать нос куда не следует.

– Нет.

Джеймс рассказывал ей о способности вампиров овладевать разумом живых людей, о холодной, стискивающей мозг хватке. Но с ее помощью можно было лишь отвлечь внимание,

сбить с мысли. Изменить решение таким образом не заставишь. И Лидия видела, что Исидро тоже это понимает.

– Коль скоро мы собираемся странствовать вместе, я просто не могу допустить, чтобы вы путешествовали подобно гулящей девке, – сказал он. – Полагаю, ваш супруг согласился бы со мной.

– Это его дело, согласился бы он или нет, – заявила Лидия. – Я же скорее соглашусь выглядеть гулящей девкой, чем предать доверившегося мне человека. Если это вам не подходит – хорошо, обойдусь без вашей помощи.

Исидро склонился и поцеловал ей руку. Губы его были как шелк в морозную ночь.

– Что ж, доброго пути, сударыня. И доброго исхода вашей встречи с неумершим.

С чувством внезапного пробуждения она обнаружила, что осталась одна.

Было довольно поздно, когда Лидия выбралась из этого совершенно незнакомого района Лондона. Хотя туман сгустился, а ночь стала еще холоднее, на улицах было полно народу. В основном это были иностранные рабочие, направляющиеся в изобилующие здесь веселые дома, и матросы, словно бы задавшиеся целью подтвердить мысль Исидро о том, что в одиночестве гуляют только уличные девки. Впрочем, многие услышанные Лидией слова были ей просто непонятны. Суфражистские идеи Джосетты сюда еще явно не проникли. Надо будет ей как-нибудь об этом сказать...

Как Лидия и подозревала, река обнаружилась неподалеку. На широкой, освещенной электрическими фонарями набережной она остановила кеб и велела ехать в небольшую гостиницу близ музея, где оставила свой багаж.

Уже в номере Лидия, переодеваясь, решила, что скорее рада, нежели огорчена утратой такого спутника, как Исидро. Многие путешествовали в одиночку, почему бы и ей не последовать их примеру? Взгляды Исидро безнадежно устарели. Мир вокруг полон полисменов, портье, гидов, кебменов, туристических бюро, отелей с прекрасным обслуживанием. Магазинов, наконец, если в спешке забудешь что-нибудь захватить. Отсутствие служанки, конечно же, создаст определенные неудобства, но в крайнем случае можно будет воспользоваться услугами горничной в отеле.

Не похоже, чтобы Лидия встретилась с Джеймсом до того, как прибудет в Вену. Оставалось надеяться, что, будучи человеком профессионально осторожным, он воздержится от немедленных действий и не будет слишком откровенен с перевербованным агентом (если тот, конечно, перевербован). В крайнем случае Лидия даст знать тамошнему представителю Департамента, что Джеймса надо искать в клинике доктора Фэйрпорта, расположенной в Венском лесу.

Если представитель Департамента сам не перевербован.

Судя по рассказам Джеймса, такое было вполне возможно.

В очередной раз преодолев чувство паники, она осмотрела свой собранный за одну ночь багаж: пенюар, две пары комнатных туфель, еще одна пара – изящная, но менее удобная, розовая вода и глицерин для рук, прославляемая тетей Гарриет ананасовая вода против морщин, оправленная серебром щетка для волос, гребень, зубная щетка, маникюрный набор, щипцы для завивки, заколки, нижнее белье, корсеты, юбки, серебряные ножи, заточенные настолько, насколько можно вообще заточить серебро, и револьвер тридцать восьмого калибра, заряженный серебряными пулями.

Укладывая все это рядом с тальком, рисовой пудрой, румянами, лосьонами и духами, Лидия чувствовала себя героиней дешевого романа – из тех, что выходят в бумажных обложках.

Еще тут была рыночная корзинка, приобретенная в Ковент-Гарден и содержащая косицу чеснока, пакетики аконита и боярышника, ветки шиповника и осинový колышек. Часть этого

Лидия разложила на подушке, а часть развесила на единственном окошке холодной спальни (остановиться в другом, более приличном отеле она не решилась, боясь столкнуться с людьми, знакомыми с ее семейством).

Раздетая и непричесанная, она задумалась, не предложить ли кому-нибудь из подруг составить ей компанию.

Джосетта разбирается в политике и ничего не боится, однако, где бы ни оказалась, яростно добивается собственного ареста за суффражистские взгляды и терпеть не может законы. Другая близкая подруга, Энн Грешелм, умнее и рассудительнее Джосетты, сейчас читает лекции студентам, да и со здоровьем у нее неважно. Кроме того, Лидия была почему-то уверена, что любой другой вампир на месте Исидро не оставил бы в живых того, кто хотя бы заподозрил о существовании ночных охотников. Выдать этот секрет Джосетте или Энн означало подвергнуть их такой же опасности.

Снова пойти к Исидро и согласиться ехать вместе с ним? Он опять потребует взять с собой Элен...

Лидия вздохнула, засунула револьвер под подушку и провалилась в сон – среди скомканных одеял, расписаний поездов и путеводителей по Восточной Австрии.

«Запах чеснока... – подумала она уже во сне. – Чеснок... дом в тумане...»

Она стояла на террасе высокого особняка, наполовину деревянного, наполовину каменного. По одну руку от нее располагался облитый луною сад, по другую – светились мозаичные цветные окна. Заглянув в одно из них, она увидела затянутых в бархат придворных и мягкое сияние алмазов времен царствования Елизаветы. Там танцевали. Лидия слышала нежную замысловатую музыку. Мужчины носили маленькие «шекспировские» бородки и выглядели довольно забавно в тесных чулках и подбитых ватой оливково-зеленых камзолах. Женщины щеголяли юбками размером с кухонный стол и высокими кружевными, с золотом, воротниками.

У окна стояла женщина. Лидия заметила ее лишь потому, что на ней было вполне современное платье из коричневой саржи, словно бы с чужого плеча. Лицо у незнакомки было открытое, с чуть скошенным подбородком, копна выющихся волос рассыпана по узким плечам. Стоило, однако, Лидии присмотреться, как выяснилось, что одеяние женщины вполне соответствует елизаветинским временам. Наряд служанки или бедной родственницы. Маленькая рука теребила агатовую пуговку на рукаве.

Потом Исидро очень мягко произнес:

– Вы полагаете, они так бы танцевали, будь их одежда более удобной?

Его голос был столь тихим, что Лидия удивилась, как она вообще может расслышать его сквозь музыку и стекло. Дон Симон стоял рядом с женщиной в коричневом платье. Его черный бархатный камзол, открытые туфли и чулки с подвязками у колена шли ему больше, чем всем прочим. При таком освещении его светлые волосы казались темнее, приобретая медовый оттенок. Девушка что-то ответила, но ответ ее заставил дону Симона рассмеяться. «Неужели она не видит? – в ужасе подумала Лидия. – Не понимает, кто он такой?»

Какое-то время они стояли плечом к плечу, разглядывая фантастически одетых танцоров, – девушка и вампир.

Затем сон изменился, поплыл. Она снова увидела этих двоих, но уже в другом саду (высокие цветники, фигурно стриженные кустарники), где он кружил ее в вальсе при свете луны под слепыми взглядами мраморных богов. И их поцелуй – позже, в сводчатом проходе меж двумя домами, построенными на мосту, и красный свет факелов отражался в глазах Исидро. Через другое окно (два окна, потому что Лидия находилась в темном доме напротив) она видела, как та же девушка, но уже в домашнем наряде, склоняется над лежащим на кровати доном Симоном, в груди которого торчит клинок (рана для человека смертельная). Исидро шевельнул рукой, и девушка припала губами к его губам.

– Ты не похожа на других, – услышала Лидия, оказавшись перед окном, за которым вновь звучали скрипки и раздавался смех танцующих придворных. «Версаль?» – предположила она, исходя из покроя темно-сливового шелкового одеяния Исидро. «Как я бесконечно устал от них! Я и не думал, что встречу такую женщину, как ты. – И он поднес руку девушки к губам. – Мы знали друг друга, мы любили друг друга – когда-то, в бесконечно далеком прошлом».

Он закутал девушку в тяжелый бархатный плащ. Они стояли в зимнем лесу, и луна сияла на синих снегах. Волосы девушки были растрепаны, одежда разорвана. Лидия знала, что Исидро выручил ее из беды, о чем свидетельствовал и мужской труп, лежащий в овраге на берегу скованного льдом ручья. Ноги замерзли. Стоя за деревом по колено в снежной хляби, Лидия чувствовала, как, намокая, тяжелеют ее юбки.

Девушка в коричневом – на ней, как и раньше, было коричневое платье с пышными рукавами и широким воротником – прошептала:

– Я помню, Симон, я помню... все... – И их губы встретились.

«Нет! – крикнула Лидия, и, хотя дыхание ее заклубилось в ночном морозном воздухе, звука не было. – Он лжет тебе! Он собирается убить тебя!» Ужаснувшись, она хотела подбежать к ним, но черные сучья вцепились в юбку и не пустили. Она попыталась освободиться, ветки ломались в пальцах, как мертвые насекомые. Она проснулась, сжимая ветку шиповника, что лежала рядом с ней на подушке.

Лидия отправилась в Париж двухчасовым поездом. Даже после того как странная путаница романтических интерлюдий в лунном свете исчезла из ее сновидений, проснулась она с ледяным ощущением, что стройная желтоглазая тень поджидает ее за дверью. Поднявшись, Лидия приняла ванну, оделась, собрала вещи, привела себя в порядок (все это без помощи служанки), после чего выяснилось, что на утренний поезд она не успевает. «Никогда больше не буду останавливаться в таких отелях, – подумала она. – Лучше уж случайно столкнуться с кем-нибудь из родственников!»

В Париж она прибыла в девять, но в связи с усталостью и головной болью решила пропустить поезд на Вену, который отходил в час тридцать от другого вокзала, и остановилась в отеле «Санкт-Петербург».

В Париж Лидию вывозили еще в детстве, а в последнее время она часто приезжала сюда на медицинские конференции. Хорошо владела французским и знала, как себя здесь вести. Возможно, путешествие окажется не таким страшным, как ей представлялось, так как Лидия все привыкла делать методично, шаг за шагом, как в анатомичке.

Спала она плохо, вновь снились девушка в коричневом и дон Исидро. То он спасал ее от гвардейцев кардинала, то они целовались под полной луной в пустынях Марокко. Проснувшись в темноте, Лидия лежала, натянув одеяло до подбородка, смотрела на проникающий сквозь жалюзи свет электрического фонаря, слушала голоса, доносящиеся из кафе внизу, и гадала, где сейчас находится Джеймс и все ли с ним в порядке. По улице прокатил молочный фургон – и она уснула.

Венский экспресс отправлялся в семь тридцать, так что у Лидии оставалось достаточно времени не только на сборы, но и чтобы заглянуть в магазины.

Она намазывала маслом круассан в почти пустом обеденном зале, размышляя о патологии ногтей дон Симона Исидро, когда услышала мурлыканье официанта: «Б'нжур, м'мзель», – и, подняв глаза, увидела входящую в зал даму. На таком расстоянии и без очков Лидия не могла разглядеть лица вошедшей, но в целом женщина произвела на нее впечатление безобидного создания: довольно высокая, чуть сутулая, она двигалась несколько робко, словно чувствуя себя иностранкой в своей родной стране.

И Лидии вдруг почудилось, что где-то она ее уже видела. Женщина приблизилась, размытые черты обрели ясность, и Лидия наконец поняла, в чем дело.

На женщине было коричневое платье с пышными рукавами и широким воротником, какие носили в девяностых.

Лидия поставила чашку на стол.

– Миссис Эшер? – Женщина остановилась возле ее столика, неловко сцепив руки в перчатках. С виду ей было примерно двадцать три года, и она казалась несколько более неуклюжей, чем в сновидениях. И еще на ней было пенсне. – Дон Симон сказал мне, что я смогу вас найти здесь.

Глава 4

В те дни, когда Эшер работал в Вене, в моде был вальс из балета Чайковского «Щелкунчик». Убаюкиваемый перестуком вагонных колес, Эшер слышал его вновь и, прикрыв глаза, мысленно переносился вслед за мелодией в освещенное мягким светом газовых рожков кафе «Нью-Йорк». Карнавальная зима, искрящийся снег на мостовой, а вокруг – оживленный говор на французском, итальянском, немецком. Светские сплетни и споры о психоанализе, музыке, политике и кто кому наставил рога. Тринадцать лет назад...

Матроны в масках и карнавальных костюмах, ищущие острых ощущений. Офицеры в мундирах, бряцающие саблями и шпорами.

Франсуаза.

– Здесь все кем-то притворяются, – сказала она в ту ночь, когда они направлялись в кафе после данного ее братом бала в честь святого Валентина, и Джеймс осознал, что эти слова в первую очередь ему следует отнести к самому себе.

Несмотря на тридцатипятилетний возраст, худощавое лицо и почти шесть футов роста, что-то в ней завораживало мужчин. Ее брат был директором крупнейшего венского банка, владельцем поместий, виноградников и кварталов в Седьмом округе. Его жена, младшая дочь барона, в течение многих лет пыталась найти Франсуазе мужа из дипломатов.

Эшер часто задавал себе вопрос: выйдет ли она когда-либо замуж? Поверит ли какому-нибудь другому мужчине?

– Люди просиживают в таких кафе целыми днями, пьют кофе, читают газеты, разглядывают прохожих. – Она грациозно пожала плечом, усмешка ее была печальна. Смуглолицая. Изумруды в ее серьгах искрились в тон глазам. – Со стороны это выглядит очень мило, но на самом деле большинство из них обитают в тесных однокомнатных квартирах и сбегает сюда от семейных сцен, кухонного чада и грязных пеленок... Мы здесь в Вене тонко различаем титулы, соблюдаем правила хорошего тона, а вокруг словенцы, сербы, чехи, молдаване, мусульмане требуют, чтобы у них были свои школы, свой язык, свои государства. Они бросают бомбы, стреляют, учиняют мятежи, зовут на помощь Россию, Англию, кого угодно, кто бы помог им освободиться.

Ее большая рука в длинной перчатке цвета слоновой кости метнулась, словно пытаясь сорвать невидимую завесу. Эшер познакомился с Франсуазой на балу Двенадцатой ночи. Он предстал перед ней тогда в привычном облике профессора-фольклориста. Фольклор был всегда популярен в Вене, особенно экзотический: чудесные истории о японских оборотнях или китайских феях. Но Эшер, часто встречаясь с вышеупомянутыми сербами, чехами и молдаванами, был также неплохо осведомлен о бомбах, мятежах и планах отделения от Австрии.

Ему не нужно было встречаться с Франсуазой еще раз.

Но он встретился.

– Когда мы жалуемся, – продолжала она, – это вовсе не жалобы. Когда мы всхлипываем, это еще не означает, что нам больно. Танцуем – не для веселья. «Да» не означает «да», «нет» редко означает «нет». Дворцы, которые вы видите, на самом деле не дворцы, и каждый толкует о чем угодно, только не о том, что его действительно интересует. – Она взглянула на него, слегка нахмутив темные брови и как бы не решаясь о чем-то спросить. – И мы вечно сомневаемся, что перед нами: лицо или маска.

Эшер глядел в ее светло-зеленые глаза и не знал, что ответить.

«Я просил тебя на прошлой неделе выяснить, кто из знакомых тебе офицеров особенно глубоко влез в долги».

«Я прибыл сюда за сведениями, которые погубят твою страну, твоих родных и близких».

«Мне кажется, я люблю тебя».

Он и сам бы не смог сказать, когда это случилось.

Маски упали. Эшер и Франсуаза глядели друг другу в глаза. Но даже теперь, вспоминая все это в полудреме, он не знал, что ей сказать.

Франсуаза улыбнулась, снова надев маску любезности.

– Вальс цветов, – сказала она. – Вы танцуете?

Он не должен был возвращаться в Вену.

Эшер заставил себя проснуться. Спать было рано. Сзади в синей мгле еще мерцали огни Парижа. Он прихлебывал черный кофе, принесенный проводником. Отдельное купе было дорогим удовольствием. В кармане вновь оставалось не более пяти фунтов.

Однако в экспрессе Париж – Вена ему следовало ехать только первым классом, чтобы чувствовать себя в относительной безопасности и иметь доступ к вагону, в котором могли находиться Кароли и Эрнчестер. Неизвестно, суждено ли ему проснуться следующим утром.

Кароли.

«Здесь все кем-то притворяются».

На другом карнавальном вечере Кароли, помнится, прервал танец с одной из самых богатых наследниц Вены, чтобы выбежать на улицу и запретить извозчику хлестать упавшую лошадь.

– Впечатляюще, – заметила Франсуаза и, когда Эшер поднял бровь, пояснила: – Если обратили внимание, он ведет себя так, только когда на него смотрят.

Эшер давно обратил на это внимание, но не предполагал, что это заметила и Франсуаза.

Он не успел дать телеграмму Лидии. Как и Стритхэму – о смерти Картера.

Стритхэм покидает офис ровно в семь и приходит утром на службу не ранее двадцати минут одиннадцатого. Лишь бы он завтра не изменил этой своей привычке!

Стоило заснуть, как привиделась выгнувшаяся в кресле рыжеволосая проститутка. Она хрипела и била ногами, прощаясь с жизнью.

Потом – изъеденное крысами лицо Крамера.

Пугающие сновидения засасывали, увлекали во тьму.

«Я уже бывал в этой комнате, – подумал он. – Когда?» За плотно занавешенными окнами слышался шум проливного дождя. Раньше комната была обставлена, теперь же из мебели в ней остался один лишь стол, залитый воском свеч, сторовших почти до конца. Их нарциссовый свет ошупывал бархатный покров, наброшенный на край стола, и мерцал на драгоценных камнях прячущейся в складках бархата диадемы. Сон был похож на воспоминание. Чувствовалось, что за окнами глубокая ночь.

Женщина, неподвижно лежащая на желтом мраморном полу возле стола, подобно второму одеянию, брошенному небрежным слугой, была черноволоса, ее растрепанные локоны, тронутые бликами свечей, обретали оттенок корицы.

– Антея... – Другая женщина пересекла комнату, пройдя в каком-нибудь шаге от Эшера. – Антея, ты должна лечь в постель.

Даже во сне Эшер отметил удлиненность гласных звуков в ее речи и машинально подумал: «Конец семнадцатого столетия...» Вошедшая была в черном. На фоне кружев ее лицо казалось безжизненным. Глаза – красные, припухшие.

– Уже далеко за полночь. – Она опустила на колени и дотронулась до руки лежащей.

– Как он мог умереть? – В ясном, низковатом для женщины голосе не было слышно слез, в нем звучало лишь усталое недоумение. – Я не... не чувствую его. Неужели я поднимусь сейчас по лестнице, а он не ждет меня там, наверху? – Лежащая приподняла голову, как пьяная. И хотя от Эшера ее отделяло футов двадцать, он увидел ее глаза цвета осенней дубовой листвы, устилающей дно пруда.

– Я чувствовала то же самое, когда умер мой Эндрю. – Вторая женщина помогла ей подняться с пола. Антея держалась на ногах нетвердо, высокая и прекрасная – даже в сбившемся, смятом наряде. – Поверь мне, дорогая, он мертв.

Медленно, как старуха, Антея двинулась к столу и тронула бархатный покров, на котором раньше, как догадался Эшер, стоял гроб. Голос ее звучал совсем по-детски:

– Не знаю, что я теперь буду без него делать.

Она повернулась и вышла из комнаты, как бы не замечая своей подруги, следовавшей за ней по пятам. Эшера она не увидела, хотя прошла так близко от него, что коснулась его ног краешком платья. Ее сброшенная вуаль осталась лежать на полу подобно черной розе.

– Стеффи, дорогой, ты невыносим со своей ревностью!

Эшер проснулся. В глаза бил солнечный свет, шея затекла, покачивание вагона отдавалось в костях. Он сел, слушая, как Стеффи (кем бы он ни был), ворча что-то на берлинском диалекте, удаляется вместе со своей венской подружкой по коридору в сторону ресторана. Эшер дотянулся и выключил электрический светильник, затем нажал кнопку звонка. Велел явившемуся проводнику принести воду для бритья, сопроводил просьбу чаевыми (непозволительная в его положении роскошь) и осведомился, который час.

– Десять утра по венскому времени, сэр, – ответил тот по-французски с итальянским акцентом. – В Париже – девять. Местное время, насколько я могу судить, – четверть десятого.

Эшер был слишком измотан вчера, чтобы перевести часы на венское время, и сделал это сейчас.

– Когда здесь можно позавтракать?

– Сразу, как только вы побреетесь, мсье. – Проводник коснулся козырька. «Венецианец», – предположил Эшер. Смуглый, держится с изяществом, свойственным даже старикам в этой древней республике. – Я сам обслуживаю мсье.

Эшер вручил ему еще два франка серебром. Должно быть, в карманах проводника венского экспресса найдутся и доллары, и пиастры.

– Не могли бы вы выяснить: тот венгерский джентльмен, что едет вместе с англичанином, все еще сидит в ресторане? Но только, – добавил он, поднимая руку, – не привлекая его внимания.

Темные итальянские глаза просияли интересом, и Эшер добавил еще один франк.

– Семейные дела, – пояснил он.

– А! – Итальянец понимающе кивнул. – В том купе, где едут венгр и англичанин, свет горел всю ночь, но чем они там занимались, сказать не могу – шторка была задернута. Но они не вызвали меня утром, а когда я зашел навести порядок в купе, постели были не тронуты. – Он выразительно посмотрел на смятую постель Эшера. Вчера вечером Джеймс сразу же заперся изнутри, и если этот человек стучался в его купе, то он его просто не слышал.

Вскоре проводник, которого, по его словам, звали Джузеппе, принес горячей воды, поднос с завтраком и известие, что венгерский герр Фекетело покинул ресторан. Покончив с едой, Эшер прогулялся по коридору, надеясь, что Кароли, подобно своему попутчику, будет отсыпаться весь день. Его собственное купе находилось рядом с гармошкой перехода в вагон-ресторан. Купе, занимаемое Кароли и Эрнчестером, было в самом конце поезда, а следующим, как заметил Эшер, шел багажный вагон.

Он был опечатан, но Джеймс сам часто имел дело с дубликатами ключей, вдобавок был осведомлен о физических возможностях вампиров, поэтому прекрасно сознавал, что для Эрнчестера это не преграда.

Эшер передал Джузеппе еще несколько франков из своего скудного бюджета, велел ему точно так же принести на подносе и ланч. И все же было гораздо приятнее путешествовать по Европе таким способом, нежели блуждать в Альпах с пулей в плече, с номерами компроме-

тирующих счетов швейцарского банка в кармане и с Кароли за спиной. В Мюнхене экспресс сделал полтора часовую остановку, к составу добавили два вагона второго класса и спальный вагон, следующий из Берлина. Эшер рискнул сбегать на телеграф и отбить две депеши: одну Лидии – об изменившихся планах, другую Стритхэму – о смерти его агента.

Он до сих пор был в бешенстве, причем не столько из-за Кароли с Эрнчестером, сколько из-за Стритхэма, отрядившего на столь опасное задание самого неподготовленного из своих людей.

Пересекая огромное пространство вокзала, накрытое стеклянным потолком, сквозь который просеивался серый свет ненастного дня, Эшер пытался вспомнить, кто был начальником венского отделения. По крайней мере, Фэйрпорт должен был еще находиться в Вене, занимаясь между делом омолаживанием богатых пациентов, – суевликий, застенчивый, болезненный, в неизменных нитяных перчатках и с фанатическим блеском бледно-голубых глаз.

Эшер улыбнулся, вспомнив три дня, которые он провел с этим забавным ипохондриком, сопровождая его в отдаленное чешское селение, где Фэйрпорт собирался побеседовать с крестьянами, заставшими в живых своих прадедов и прабабок, а сам Эшер намеревался исследовать местные варианты глагола *byti* или *biti*. Ну и заодно взглянуть на ведущую в Саксонию лесную дорогу, которую не к добру решили отремонтировать и расширить, причем за берлинские денежки. Старик ни разу не снял перчаток в течение всего путешествия, пил согретую воду из родников, ибо это благоприятно сказывалось на его печени, и употреблял только свою особую пищу. Местные крестьяне лишь трясли головами и называли его промеж собой «постирушкой» и «английской бабушкой», а владелец постоялого двора отвел Эшера в сторонку и вполне серьезно спросил, неужели в городе (имелась в виду Вена) нет докторов, которые бы вылечили беднягу. Было крайне сложно объяснить ему, что «английская бабушка» и есть такой доктор.

Эшер усмехнулся этим своим воспоминаниям и возвратился в купе, чувствуя, что пока у него все складывается неплохо. Кроме отправки телеграмм, он еще купил «Нойе фрайе прессе» и две детские игрушки: медведя, который, будучи заведен при помощи ключа, бил в литавры, и ослика, умеющего ходить по наклонной плоскости. Обоих он привел в действие на столе и наблюдал за ними с мрачным удовлетворением.

Другие пассажиры возвращались в вагоны, отягощенные новыми книгами, журналами, газетами, сладостями и печеньем. Через окно он увидел мужчину, скорее всего, того самого ревнивого Стеффи, и его фееподобную венскую подружку с охапкой свежих цветов, улыбающуюся людской способности поверить в то, во что им хочется верить.

Были там и прекрасная вдова в безукоризненном одеянии, сопровождаемая девушкой с коровьими глазами и тремя черными маленькими французскими бульдогами; седобородый джентльмен с лицом воина-монаха и с ним юноша (не то внук, не то слуга). Кароли, чисто выбритый, свежий, с зимней розой в петлице, прогуливался по платформе, приостанавливаясь и вежливо приподнимая шляпу, когда бедно одетые девчушки предлагали ему купить орехов. Интересно, нашла полиция тело задушенной им проститутки?

«Почему Эрнчестер?»

Поезд уже тронулся, а Эшер все еще ломал над этим голову.

Почему вообще англичанин? Значит ли это, что венские вампиры отказались сотрудничать с австрийскими властями? Это, кстати, вполне вероятно. Жители Вены, насколько было известно Эшеру, отличались неисправимым легкомыслием, полагая вслед за окружающими их чехами, венграми, сербами, молдаванами, венецианцами, что император, которому они вынуждены служить, – не более чем старое пугало.

И все равно, что бы там ни обещало правительство, вампиры сотрудничать с ним не станут. За семнадцать лет шпионской деятельности Эшер узнал, как правительство (какое угодно) держит слово.

Кроме того, это не объясняет, почему был затребован именно английский вампир. Почему не французский, не германский?

Или те тоже уже затребованы? Эшер замер, представив багажный отсек, уставленный гробами, и вагон-ресторан, где за каждым столиком белеют меловые лица вампиров.

Если дела обстоят именно так, какого черта он вообще едет в Вену? Спихнуть эту проблему на руки того, кто заведует сейчас тамошним отделением? Послать на смерть очередного желторотого новичка?

Он откинул койку, разделся и вновь уснул, чтобы очнуться с тем давним знакомым чувством, будто сознания его только что коснулось сознание вампира. Из коридора сквозь задернутую шторку внутрь проникал один-единственный луч. Купе – одноместное, даже если кто-то проник сюда снаружи, спрятаться ему негде. Эшер припал к дверному окошку, отвел шторку, скосил глаз.

Кароли и Эрнчестер прогуливались по коридору. Кароли вел беседу, плавно помахивая рукой в белой перчатке, Эрнчестер по обыкновению не жестикулировал вообще.

– Поймите, что просидеть всю поездку в купе было бы по меньшей мере подозрительно. Сплетни проводников...

– Не вижу, в какой степени нас должна касаться болтовня прислуги. – Голос Эрнчестера был негромким, произношение – несколько старомодным. Кто же еще из знакомых Эшера изъяснялся в подобной манере? – В этом «поезде», – граф выговорил слово «поезд» как иностранное, – мною никто не заинтересуется. Если мы, как вы утверждаете, вскоре прибудем в Вену...

Голоса их, удалившись, смолкли. Эшер поднес свои часы к полоске света. Шесть тридцать по венскому времени. Кароли, надо понимать, только что освободил Эрнчестера из багажного вагона, распечатав и вновь опечатав дверь. Слабое касание сознания вампира Эшер ощутил, пробуждаясь. В ночи за внешним окном смутно голубели Альпы.

Быстро одевшись, он выскользнул в коридор и прислушался к голосам в соседних купе. Там царила тишина. «Ушли ужинать», – предположил он. Замок в купе Кароли быстро поддался инструменту, сооруженному Эшером из игрушечных внутренностей ослика и медведя. Осмотр он провел со всей тщательностью, понимая, что Кароли ничего важного на виду держать не будет. Ни блокнота, ни писем, ни адресов. Небольшая сумма серебром в саквояже, вскрытом с помощью шпильки, примерно две сотни флоринов ассигнациями и пара дюжин печатей для багажных вагонов.

Под фальшивым дном обнаружилось десять ящичков из вошеного дерева, таивших в себе слепки ключей не от одного багажного вагона. Коллекцию эту Эшер присвоил, надеясь, что Кароли обнаружит пропажу только в Вене.

Саквояж также содержал две сложенные в несколько раз страницы частных объявлений лондонской «Таймс», взять которые Эшер не осмелился, а чтобы изучить их на месте, времени уже не оставалось. Он запомнил даты и, сложив все как было, вновь поставил саквояж на бархатное сиденье.

На столе стояли дорожные шахматы: очевидно, попутчики коротали время за игрой. Старомодное пальто Эрнчестера мирно висело рядом с широкополым пальто Кароли. На всякий случай Эшер проверил карманы обоих.

Возвратившись в свое купе, он вызвал звонком проводника и, заказав ужин, расстался еще с парой франков.

– Здесь можно раздобыть английскую «Таймс»?

– Разумеется, сэр, – сказал Джузеппе, оскорбленный в лучших своих чувствах. – К услугам пассажиров первого класса – свежий номер любой газеты.

– А как насчет номера за прошлую субботу? Или даже, возможно, пятницу?

– Хм... Ну, тут я не знаю, мсье. Но могу посмотреть в купе проводников...

– Разумно, – сказал Эшер. – Причем целый номер мне ни к чему. Только страница частных объявлений. – Приподняв бровь, он многозначительно взглянул на Джузеппе, и тот исчез с видом опытного международного интригана.

А может, он и был таковым. Обстановка к тому располагала. Во всяком случае, вернулся Джузеппе с изъятой у буфетчика скомканной страницей субботних объявлений, и Эшер в течение часа изучал добычу в поисках послания, содержащего место и время встречи вампира с венгром.

«Олюмсиз-бей – Парадное крыльцо Британского музея, 7. Юмитсиз».

Эшер прочел это дважды, прежде чем сообразил, что искомое найдено.

«Олюмсиз» по-турецки означает «бессмертный» или, может быть, «неумерший», «Юмитсиз» – лишенный надежды или, возможно, «жаждущий надежды» (по-английски – «уонт-хоуп»). Именно так звучит одна из родовых фамилий графа Эрнчестера, под которой, кстати, Чарльз Фаррен прожил много лет.

«Странно. Почему турецкий? – Эшер сложил страницу и бросил ее в раскрытый сак-вояж. – Неумерший лорд. Лишенный надежды. Жаждающий надежды. Уонтхоуп. Бессмертный лорд...»

Теперь было ясно, как Эрнчестер и Кароли поддерживали связь. Не исключено, что и другие лондонские вампиры, читая «Таймс», могли наткнуться на это объявление, и вряд ли бы оно им понравилось. Владеет ли Гриппен, Мастер лондонских вампиров, турецким языком? «Исидро, возможно, владеет», – подумал Эшер и вспомнил с тревогой бледного испанского идадьго, решившегося вопреки воле своих собратьев обратиться за помощью к нему, живому человеку. В семнадцатом столетии Оттоманская империя обладала огромной властью. Исидро, придворный и отчасти ученый, вполне мог знать и этот язык. Не исключено, что и граф тоже. Венгерский – другое дело. Венгерский в те времена почитался наречием варваров. Все прочие лондонские вампиры наверняка владеют только немецким и французским.

Венские или венгерские вампиры семнадцатого столетия тоже должны были знать язык армий, то и дело вторгавшихся в их земли.

Эшер еще раз взглянул на дату сверху страницы. Суббота, 31 октября. Пятничного номера нет. Что же мог такого узнать Эрнчестер, если утаил это от других вампиров Лондона и даже от собственной жены?

И кто был тот, что называл себя Бессмертным Лордом?

Даже в десять часов вечера венский вокзал оставался людным местом. Эшер спрыгнул с поезда, не дожидаясь полной остановки, и, нырнув в толпу, зашагал прочь. И тут же ощутил укол ностальгии. Не было в мире города, подобного Вене.

Евреи с завитыми пейсами и в черных кафтанах, решительно не замечаемые их же сородичами в немецком платье. Венгры в высоких сапожках и мешковатых шароварах. Пестрая одежда цыган. И сама Вена: дамы в шелковых дорожных нарядах, скрывающие лица под вуалями; мужчины в блестящих мундирах (улань или почтальоны); дети, сопровождаемые затаенными в черное гувернантками; студенты в ярких фуражках, французы, итальянцы; столь отличный от берлинского венский диалект немецкого языка, смешанный с идишем, чешским, румынским, русским, украинским...

Воздух, напоенный ароматом кофе.

Вена.

Направляясь к стоянке такси, где Эрнчестер и Кароли могли ожидать, когда таможня разберется с их багажом, Эшер затаил дыхание – показалось, что вот сейчас он встретится с Франсуазой.

Сегодня она вновь приснилась ему – на этот раз идущей под звуки вальса по городу мимо мраморных и позолоченных лепных фасадов, сквозь хрустальный свет весеннего вечера. Она явилась Джеймсу не такой, как тринадцать лет назад, – похудевшая, с сединой в волосах.

«Мне очень жаль, Франсуаза».

Ее юбка с шорохом задевала узорную бронзовую ограду, и Джеймсу почудилось вдруг некое движение во тьме под камнями мостовой. Шепот среди теней, глаза во мраке, только и ждущие, что наступления ночи.

Они обитали и здесь.

«Франсуаза, беги! – попытался крикнуть он. – Домой! Включи свет и не пускай их! Не заговаривай с ними, когда они встретят тебя на улице...»

Но из-за того, что он сделал тринадцать лет назад, она не могла его теперь услышать. Она продолжала идти, и казалось, будто сквозь решетку ограды выползает на улицу серая мгла.

Эшер отогнал воспоминание. Вряд ли бы они встретились теперь. Франсуаза вполне могла покинуть Вену. Кроме того, с любовью их было покончено. Остаток жизни он намеревался провести с Лидией, этой медноволосой очкастой нимфой.

И все же каждый раз, когда он слышал «Вальс цветов», сердцу становилось больно.

– Герр профессор доктор Эшер?

Он обернулся, вздрогнув. Первая мысль была: «Нет! Не сейчас!» Кароли и Эрнчестер могли появиться с минуты на минуту...

Перед ним стояли два венских полицейских в коричневых мундирах. Оба поклонились.

– Вы герр профессор доктор Эшер, прибывший экспрессом Париж – Вена?

– Да, это я, герр обергаупт. – Старая венская привычка прибавлять титулы и звания вернулась вместе с напевным венским произношением. – Какие-либо затруднения? Мой паспорт уже проверили...

– Нет, с паспортом все в порядке, – сказал полицейский. – Мы весьма сожалеем, но вам придется ответить на вопросы, связанные с убийством в Париже герра Эдмунда Крамера. Будьте добры следовать за нами.

На секунду Эшер оцепенел. Затем, услышав чешское ругательство, обернулся и увидел, как двое носильщиков под присмотром Кароли и графа Эрнчестера загружают в фургон огромный чемодан с медными уголками. Кароли повернул голову, и взгляды их встретились.

Венгр приподнял широкополую шляпу и улыбнулся. Уводимый с вокзала Эшер видел, как шпион и вампир неспешно направляются к стоянке такси.

Глава 5

– Видите ли, мы знали друг друга в прежней жизни. – Мисс Маргарет Поттон прекратила теревить ниточку пуговицы и подняла голову. В голубых глазах за толстыми линзами Лидия увидела настороженность и вызов. – И жизнью было много. Мне следовало понять это раньше. Я, должно быть, постоянно видела одни и те же сны, но утром все забывала.

– Должно быть? – переспросила Лидия, пытаясь, чтобы злость на Исидро не пробилась в ее голосе. – Если вы все полностью забывали, откуда вам известно, что вы видели эти сны постоянно? Честно скажите, вы знали о них раньше?

Маленький рот упрямо сжался.

– Да. Да, я знаю. Теперь.

Лидия смолчала. «Скотина! – Вот и все, что она смогла подумать. – Впрочем, здесь должно быть более точное слово. Хорошо бы спросить у Джеймса – он ведь лингвист...»

Мисс Поттон вскинула маленький подбородок:

– Я знала, что вижу во сне что-то важное. У меня всегда оставалось чувство, будто мне снилось что-то очень красивое, опасное, способное изменить всю мою жизнь. Но до прошлой ночи, проснувшись, я ничего не помнила...

– Большого идиотизма мне еще слышать не доводилось! – Вспомнились ее собственные мрачные сны: любовь, погоня, вальс на лунной террасе – и душа ушла в пятки. – Вы просто хотите этому верить. Потому что это нужно ему...

– Нет. – На скулах ее проступил румянец свекольного цвета. – Да. Наверное. Потому что я нужна ему. – Она снова принялась теревить пуговку на рукаве. – Когда он пришел ко мне прошлой ночью... когда я проснулась, а он стоял в лунном свете у изножья кровати... он сказал, что никогда бы не вторгся снова в мою жизнь, но я ему нужна. Он нуждается в моей помощи. Вы не понимаете его.

– А вы понимаете?

– Да, – сказала мисс Поттон, не поднимая глаз.

Лидия задержала дыхание, потому что знала: стоит ей дать волю чувствам – и она завизжит. Но это было бы по меньшей мере неуместно в обеденном зале отеля «Санкт-Петербург». Страха перед Исидро она уже не ощущала, настолько сильная нахлынула ненависть к нему, к Эрнчестеру и ко всем им подобным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.